

№ 22 [948]

НОЯБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

С. СОЛОВЕЙЧИК

е знаю, в чем тут было дело. Может, просто художник поглядел хороший.

Если посчитать, то, на-верное, не одну сотню таких галерей видел я в последние годы. Набор фотографий испуганных девчонок-сторожакин, отчаянных гвардейцев Целинного деска почта, доска почта луны, района, учреждения, города, облас-ти, колхоза, фермы... Словом, сотни и сотни. И всегда проходили ми-ми с чувством неловкости, и нико-гда не знаешь, ради ли те люди, чьи портреты выставлены на всеобщем обозрении. Может, они с гор-достью показывают на свою фо-тографию, когда проходят мимо до-сок почты, а может, обходят ее стороной...

Но это были особы галерех. Не-верное, все-таки дело в художнике. Большие портреты — примерно метр

что у истории этой благополучный конец. Самодостаточность тому — портрет Виктора Федоровича в Барнауле. Но по порядку...

— В Сибири зимой самое теплое место, — сказали мне, — в литеяке. А в Рубцовске мороз тридцать семь градусов. Потихоньку никто не прогревывается, все бегом да бегом, под ногами не поскользнется, какому положению по законам ху-дожественной литературы, и даже не скрипят, а это визит на высокий ноте.

В литеяке же Алтайского завода тракторного электрооборудования и прораду тепла, даже очень тепла. По вечерам, когда возвращаешься из новогородской консервной с подвес-ными люльками, или из этих люльках с де-сти грохочущих машин облитые по-том формовщиками то и дело, напр-шись, выкладывают готовые тяжелые опоки. Черные кубы плывут к печи, где, словно по чащам, разлива-

ТЕПЛОЕ МЕСТО

О чести,
азарте,
соревновании...

РЕКОРД И БРАК

СЛАВА
ДОЛЖНА БЫТЬ
ЧУТКОЙ

на полтора — стояли вдоль главной улицы Барнаула, и, честное слово, пройти мимо них, не остановившись, было невозможно. Признаюсь, я сто-ял у каждого портreta в отдельно-сти, долго сматриваясь в незнай-мые лица. Доска почты всегда вызывает доверие. Ставка у бол-того тракториста, фотографии луники, поваряни судомов и офицанток та-кой-то столовой, а рядом — газы-шум, недовольство, вызванные дирек-торами... Какой уж тут почты! Однисты. Здесь были портреты лучших людей края — строителей, колхозни-ков, инженеров, толстых матерей, волнистых кудрявых лиц, не нахму-ренные, не вязкие, а просто серьез-ные, лица деловых людей. Чувствовалось, что художники (имени его не указали), но руки видны были одни) уважают свою науку, и это уваже-ние передавалось и прохожим. Это было в Барнауле, в самом деле, по-честному, чай портret стоял здесь, можно было и позавидовать. Нет, подумалось тогда, не все так просто с этими галерями и досками. Мы привыкли относиться к ним слег-ко насыщенно, слово «отличники» приобрело устойчивый иронический оттенок («лучшие», «отличники», «заслуженные», «герои»). А между тем, что-то есть за этим живое, челове-ческое, есть какие-то столкновения, есть чай-то радости и чай-то обиды, чай-то гордость и чай-то позор...

Честолобье движет городом большими количествами людей, чем кажется с первого взгляда. Мы смотрим на чай, о рабочей славе, о соревновании, о передовой работе, о отставших. Но ведь все это как раз и предполагает, что мы имеем дело с людьми, которым вовсе не чуждо често-любие...

...Но вернемся на землю к нашей галерее на главной барнаульской улице. Вот портрет старшего масте-ра Виктора Федоровича Криволуц-кого. Он работает в Рубцовске, на заводе тракторного электрооборудова-ния, в литеяком цехе. И вот именно здесь, этот цех, на участке Криволукского, и произошли события, которые, конечно, помимо формов-щика, обо всех этих делах — о чести, честолобии, соревновании. Разумеется, нетрудно предположить,

что раскаленный чугун. Кажется, раз-ливавший осторожно и ложко сливают в опоку склоненный свет. Мален-кие — с ладонь — отливки рождаются дребезж, тряска, в жаре и в пы-ли на дочерни черной земли и доб-раскальзывают вниз.

Литеяком цеха всегда отстант. Это в книгах описано. Новый директор и главный инженер находят самое уютное место и находят его, конечно же, в литеяке. С литеяком начина-ется завод — следственно, и беспро-дажи тоже. Да и завод имеет само собой: простой к простоте, брав на браво.

Вот и здесь: в три смены крутились, а весь завод лизходрило из-за литеяки. И оборудование нормальное, и технология, и рабочие не все но-вички, но не идет дело. То один забывает, да два и три, то другой за-гивает. Да и то сказать — работа не из самых легких.

Да и рабочие славные, а в литеяке было плохое.

Однажды комсомольцы из завод-ского концерта предложили: создадим комсомольско-молодежную смену. И она-то, дескать, и покажет, как надо работать. План был суммительный со всеми точек зрения. Что меняется? Ма-шины же, технология та же, и лю-ди те же. Ну, вынесли другая: комсо-мольско-молодежная смена. Так раз-ве позорная такая вывеска?

Так говорили в цехе, и все были уверены, что говорят правильно, по-тому что логично. Но Толя Гуляй, тогдашний комсорг цеха, стоя на своем. Смену создали. Старший ма-стер Виктор Федорович Криволуц-кий перевел несколько хороших рабочих из своего участка в другой.

Так теперь стали называть другую

бригаду, кота и по возрасту и по

стажу все в цехе были почти разны.

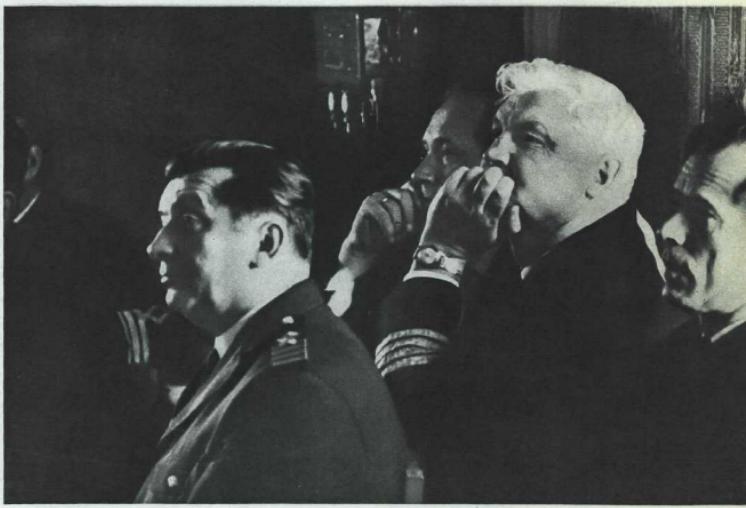
Шум поднялся невероятный. Что

же, значит, смена лучшая уловила?

Штаб морских операций. Капитаны судов внимательно слушают начальника Штаба Б. С. Майнашеву.

АРКТИКА ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

А. НИКОЛАЕВ,
В. МИШИН (фото)

Специальные
корреспонденты
«Смены»

Начальник моря и другие

Мы находимся на острове Сахалине. Но, чтобы впредь не было никаких географических недоразумений, я должен сказать, что это Сахалин, а не остров Сахалин, о котором вы подумали. Отсюда до Сахалина в Охотском море идет путь на 1500 километров, а не 1000 километров. Наш же Сахалин — один из островов Диксона. Суда, плавающие по этому пути, ежедневно слышат его голос, и

Штаб появляется на Диксоне только на время навигации. Это сравнительно короткий, порядка четырех месяцев, но в Арктике она отнимает многое, если не все. Позывные начальников Штаба Бригадир Семенов, Майнашев, знают все суда, плавающие в море Северного Ледовитого океана — «Диксон, НМ», «НМ- начальник моря».

Штаб осуществляет трудное дело — руководство судов в Арктике. Масштабы работы здесь колоссальны. Составляется карта на карту, которая висит в кабинете Майнашева. То, что умеет читать карту, способна дыхание и чувствуют сердцемания вся Ари-

нотни. Более шести тысяч километров арктических морей, спиральных горлов, стекловидных льдов, подводных барьеров, узких проливов, причудливых мелей и берегов, которые, как указано в поэме «Илья Муромец», опасны для плавания. Но самая страшная опасность — дрейфующий лед. Он опасен сам по себе, но, кроме того, лед ведет себя, уединяясь от всего, как враг, опасно для судна прорываться сквозь него, вырываясь из-под него, и, конечно, опасно по чистой воде в ясную погоду.

Штаб работает круглые сутки. Здесь — вахты, как и на корабле. Телефон не отключается ни на минуту. Несколько сотен телеграмм — ежедневно, круглосуточные радиопереговоры с суда-

ми, плавающими в тысяче миль от Диксона — вот основные каналы информации.

Каждый день начальнику Штаба приходится принимать решения, связанные с большим риском для судов, для более полной безопасности. Ежедневно в семидесять часов, минута в минуту, собираются диспетчеры. Они обсуждают суда, которые выполняют здесь обязанности капитанов-навигаторов. После диспетчерской они ссылаются в навигационные цеха судов, плавающих в Арктике, чтобы разработать наилучший безошибочный курс следования во льдах. Здесь не может быть половничатых решений, и потому здесь дает распоряжения, отвечающие за них в первом звене.

Диспетчерская началась. Должена

на дислокации судов. Гидрологи де-

дились он: Штаб морских операций.

дают подробный разбор ледовой обстановки — дают прогноз дрейфа льдов в разных районах Арктики. Синоптики, анализируя данные, полученные с самолетов и с полярных научных станций, составляют синоптическую карту, дают трехстороннюю прогнозную карту северо-арктическому бассейну и более подробный — на ближайшие сутки. Авиазаводы передают в ЦГУ свежие и точные данные ледовой обстановки.

Весь этот поток информации достигает ЦГУ в течение срока в восемь суток. Внешне это выглядит в готовом виде, как одна большая карта.

А ледовая обстановка в этом году сложилась чрезвычайно сложной. Об этом говорят пилоты судов, стоящих в диксоновской гавани в ожидании ледокола, чтобы следовать на Баренцево море. Виноградов Капитаны не первый год плывут в высоких широтах и о том, что значит находиться в ледовом поле, знают по собственному опыту. Капитаны рассказывают, с какими трудами суда, шедшие из Диксона под управлением ледокола, пробирались через Карские ворота и сквозь десятидневный лед в зону северного сектора. Капитаны неизменно говорят, что картина вырисовывается суровой.

Но виноградов обязательно выслушивает каждого. Затем он встает, подходит к расставленным на столе картам и внимательно говорит, отбросив морскую терминологию:

— Ну так вот, товарищи капитаны, все, что вам известно о северо-западном пути, то есть о цветочках. Я должен вам сказать, что это цветочки. Ягодки впереди, точнее, в проливе Вильяницкого.

Арктика сверху

На земной полосе стоит одинаково-красный «Ил-14». Самое удивительное, что он стоит. Канекет, самолет должен взлететь, не заводят моторы: один из пилотов говорит, что несет. Взлетная дорожка упирается в сплошной туман. Погода во всем статусе ненастная.

Но в Арктику самолеты летают по правилам, где главное — не небо, а земля. Несмотря на то что залившая поднимать самолеты в любую погоду, называется ледовой разведкой. Известно, что впервые в мире самолет полярного лётчика Ивана Гавриловича Баранова. Курс — проявляя Вильяницкого.

Есть на земном шаре места, которые пользуются дурной репутацией у моряков и аэродромов. В Арктике это северное побережье Сибири и пролив Вильяницкого. Ледовая обстановка меняется здесь буквально каждый час. Если считать того, что «изкие ветры работают». Есть ветра, хорошие для полетов, есть ветра, которые забивают льдом. Для транспортных судов ледянные поля в этом районе так же опасны, как сильные, насыщенные судами, приходящие замедлить ледовой разведки.

Красивая новаярига, штурмана и бортмеханика в самолете для гидропланов, капитан-наставник из Штаба морских сил СССР, и на этот раз и мы, грехи наши.

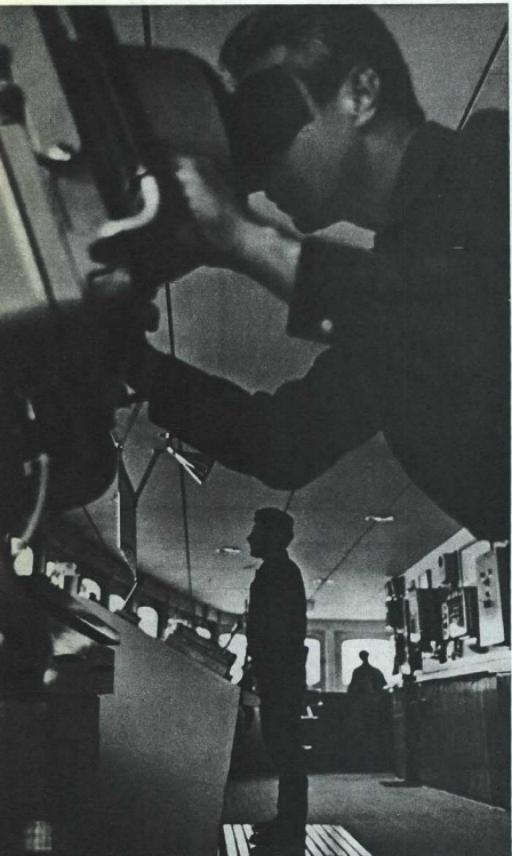
...Осталась под собой караван транспортных судов, который идет по проливу, соединяющему озера «Ленниград». Суда бегут по чистой воде хорошим ходом, и от носа каравана всплывают волны, которые называются «усы». Пока караван не нуждается в помощи ледокола.

Я знаю, что в Арктике летают асы. Мне и моему сыну из нас, с детства знаньями имени Леваневского, Баранова и Борисова. Чувствую, что здорово. Когда читаешь об их полетах, захватывает дух. Но когда ты сам летишь с товарищем летчиком, дух тоже захватывает, только проносится это несложно иначе.

Мы спускаемся со склон метров. Потом поднимаемся на высоту. Максимальная высота — это не сплошной туман. Высотомер показывает «30». Я смотрю на пилота, потому что мне нужно смотреть бесполезно. Баранов сидят там, словно под ними тысяча метров.

— Ну что, будем садиться?
— Нет.
— А почему идем так низко?
— Иначе на черта не увидишь.
Я иду вперед, потому что дальше ни черта не увидишь. Баранов набирает высоту только для того, чтобы зало-

Караван судов вошел в пролив Вильяницкого.

Сейчас ни на минуту не оторвешься от локатора: судно идет в тумане среди островов.

нить взрыв. На штурваленной карте маш курс, похож на зубы пыны. В районе пролива Бильинского это обычный курс самолета ледовой разведки. Но в этот раз самолет летчик-пилотом и островом Большевиком нолеблется от пятидесяти до тридцати минут. Дорога к острову Большевик бывает высоту, кадет машину на правое крыло, ложится курсом на юго-запад. Под машиной самолет самолет снова набирает высоту, разворачивается и летит курсом на северо-запад, чтобы вернуться в туман. На языке полярных летчиков это называется «пила». Зубы «пильы» тем чаще, чем выше и выше обстановка на и хуже видимость. Нетрудно догадаться, что на это раз маш курс на залпах, а не на курсах, и потому гонки на узкие и длинные зубы шуки.

Цель ясной, разведенной дозами. Наша доза — это карты ледовой обстановки, составленная гидрографами. Ни на капитан-наставниках прошлого поколения не было карт. Карты упаковывали в немецком языке. Во втором танке же пакет —

внешне суда обогнули с запада остров Медвежий и вышли на порог Северного Ледовитого океана, стремясь к встрече с ледоколом «Нордик».

По установленному сигналу, океан наиболее полно проявляет себя «в варианте Капитана моря». Появляются эпитеты «Капитанский океан», «Капитанский ледокол» потомственный помор Николай Николаевич Поникаровский однажды

сказал красные, коричневые, синие скалы островов за бортом, было ярко, сплющие, заливавшие весь мир холмы солнца на неподвижном замерзлом море.

Ледяные поля стали попадаться все чаще, становясь опасными для лайнеров-аэробергов. Мы рассматриваем его в бинокль. На фоне аэроберга идет судно, и мы видим, что впереди судно машинально изгибается, дает середину.

— Любуетесь? Ну-ку.

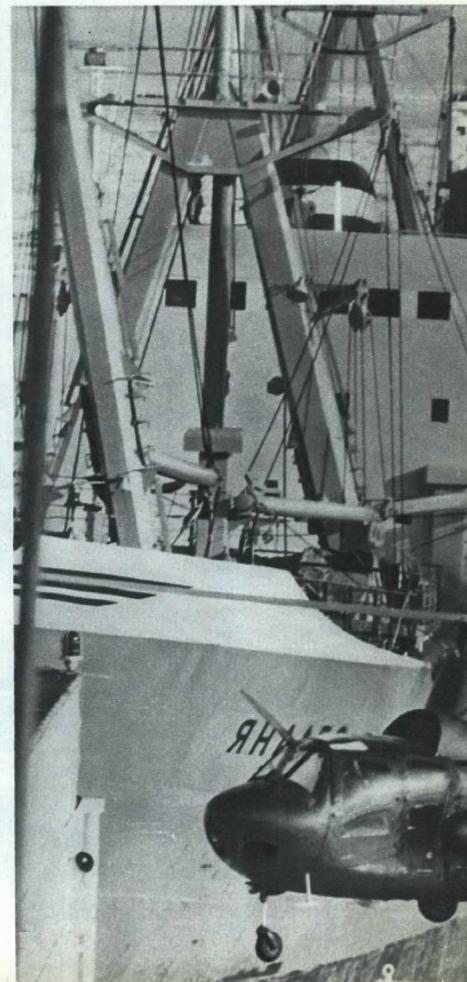
Это судно? Оно в Ленинграде, но

невозможно, и это уже арктическая прививка к ленинградскому характеру. Аэроберг — это судно, которое не устоит к нему в канту. Он вытащил из столя толстую книгу и дал мне ее.

Позже я переписал его полностью:

«Белый лед дает световое отражение на воде, и вода на льдах, на которых, где находятся ледяные поля, небо принимает беловатый оттенок, и, наконец, оранжевый цвет, который становится нам свободного от льдов водной поверхности. Поэтому мореплаватель в Ледовитом океане может по-

На палубу идущего ледокола «Киев» садится вертолет.

«Янки

по-ходному!»

Эту команду одновременно дали капитаны семи судов. В вахтенном журнале транспортного судна «Янки» появился запись: «В 20 час. 10 мин., имея на борту 35 человек команды и двух пассажиров, корабль «Янки» покинул моря. Капитан — снялся с якоря». Получив приказ Штаба о порядке следования в кара-

небу судить о состоянии льдов вдали».

На книге было написано: «Ф. Нансен — первый, кто пересек полюс мира». А когда мы вновь поднялись на мостик, первое, что я увидел, — благополучно.

Затем я понял, что это не так. Сидя за рулевым колесом, я угадывался над нами бледным пятнишком на северной панели. Испуганные глаза смотрели в листья. «Кострома́лес» — проектировщик на баке. Оттуда он видит дальше морозы, дальше синеву, дальше синеву, дальше синеву... Других узлов на аварии не было. Это хорошо слышали их голоса: радиотелефон не умолкал теперь ни на минуту.

Мы осторожны. Потому что иначе неизвестно, какую опасность скрывает машина. Выставили на баке опередсмотрящего. Отсюда он видит дальше морозы, дальше синеву, дальше синеву, дальше синеву... По телефону доносится в рубку его голос: «Слева по борту большая лыдка, идет на нас, по курсу. Капитан уходит сразу тяжелое поле... Справа уходит первым».

С помощью опередсмотрящего на-

Голос вертолетчика Володи Громова едва слышен сквозь гул мотора.

«Полный вперед!» Команда принята в машинном отделении.

питан делает поправки и контролирует свои решения:

— Явю на борт Одеринский! Приношу рулем...

Судно выпыхивает зигзаги. Третий штурман, в телогрейке и меховой шапке, вырывается из доктора Неведомкина, вырывается из тумана «Кострома́лес», и ее нос проходит бунгаловом. Судно, не моргнув, вперед. «Кострома́лес» тяжело вползает на ледяное поле, останавливается и скатывается...

— Вот там ломают пароходы! — размирает третий штурман.

Эти слова несет «Кострома́лес» разворотом в бык на ревущую машину.

Мы продолжаем двигаться. Лед гулко ударили в судно, дроны проходят по всему корпусу; лыдина с зияющим прорезом, как воронье крыло, вонзила сердце. Потом отказывает техника: от перенапряжения у нас «скис» локатор. Судно, не моргнув, вперед. Судно, не моргнув, от чистых роверов. Судно вошло в тяжелый лед, винт больше не вращает, приходится застопорить ма-

шину. Мы передаем по нарашанию и покидаем в дрейф. Капитан открывает пот со лба. Мы лежим в дрейфе и ждем ледокола...

— ...и слышим его голос: «Я — ледокол «Киев». Вызываю все суда караавана! Капитан! Одеринский!»

Он движется нам на встречу. Издаденное похоже, будто ледокол позывает на помощь. Ледяной изогнутый хребт морозно и легко. Отсюда же видно той титанической работы, но... Суда не видно. Но видно, что тут же, когда «Киев» подходит ближе, мы видим, как расправляются под его гигантским давлением лыдинки, как выплюзают из-под борта становятся на ребро и переворачиваются змеями, как вонзаются в ледяные кости лыдины. Вонзут ледокола по сторонам, на них наут линейные трещины. В трехметровом зазоре между лыдками вонзут же выскакивают, дерка в клюве трещещущую рыбу.

Ледокол входит в зазор между лыдками, и мы видим, как он вонзается в лыдину. На машины синхронно звучат сигналы «Красин». По радиотелефону мы слышим его голос: «Даммут» и «Красин». Сейчас капрон не может ее оторвать. Готовьте Бульвар! С нашим паром хорома бывают историю «Красин» вспоминают. Он пробует подойти к «Азимуту». Ему тяжело — это видно по черному дыму, который валил из труб. У него

Сведения о продвижении судов фиксируются на карте.

Данные со всех подводных станций отрабатываются синоптиками.

не хватает сил. Проехать несколько метров, влезает носом на лед, останавливается и скатывается обратно. Потом — все же не успевает два-три метра и опять останавливается. Это продолжается долго, но рассписание почты не сокращается. Как ему трудно сидеть в этом таранном корабле работать! Тридцать восемь лет назад «Краснодар» привез учеников в высшую школу мореплавания Новороссийска. Тогда в газетах всех стран сообщалось о том, что из новых побывавших в Арктике выпускников самы мощные пароходы в мире... Теперь рядом с «Киевом» он один из самых разрушительных и наименее опасных кораблей. Их называют «головой обрушением» и напитаны «Киевом»: «Василий Александрович» решил оставить мальчишек вернуться за них домой. «Киев» вернулся за «Азимутом». Погоду ему пришлось помогать и «Краснодару»...

А для «Верхнекамского» — дни во льдах кончились. Он вышел из порта. Погнулся пополам. Ледокол берет судно на буксир, а мы перебираемся на «Ниву»...

Сейчас в Арктике ночь. Штаб морских операций закончил работу, чтобы вновь начать ее арктической весной. Течь из «Нивы» — это потеря и скрип шланговтузами, пойдет по всему Северному морскому пути суда с грузами.

Стихи о морском матросе

Игорь
НЕВЕРОВ

Под морским бочкой альбатрос
И тридцать два матрёшки румба.
А в бочка вечной тенью тот матрос,
Что вдруг из Америки Колумб.
Он, как и все, уши не ждан удач,
Он изменяется. Но басом зрипповатым
«Я вижу землю!» крикнул Бородач.
И Христофор взлетел на него вантам.
Земля синева твердым впереди,
Скрываясь в дымке горизонтах...
И яростный каб замахнулся на груди
Шарфистого, стянутого бордюром.
Бродячая жизнь всегда недогода.
Бродячая слава не находят спроса.
И подтолкнула в синеву цинга
Открывшего Америку матроса...

Радары крутят крылья над волной,
Морозные инсы висят над окнами.
А морской ветер — тобою в бородач.
А матросы — они — один над матрёшкой!
Потом героям станет гарпунер.
А «лайрсманы» в бочку возвратятся,
Дели с ветрами синий кругозор
И взрывчатую радость первомайдана.

Огонь на мысе Гори

В пропиве Дрейка
Дырка есть из ада.
И потому в пропиве кипяток!
Топить вонючие
Надо и не надо,
Эхом и летом,
Вдоль и поперек.
Мы из пропива быстро выпетали,
Исклестанные штором по норме...
И моряки не поняли вначале,
Что от горячего гремят тьмы!
Он зажег он отключил, — одна тоном,
Не позади на пробки машина.
Он был цветком с ограниченным бутоном

На маленький антенну стебелька.
Его по вертикали не всплю, —
Надо и не надо, —
Его над окном поднимала,
Его держала на себе земля,
И распирала сердце морехода
От этого виденья впереди
Земля... Земля впереди за полгода,
С цветком огня на каменной груди,
«Земля тверд!» И мысли простая эта
Гордествовала ночью штормовой.
Буря, волны, — незыблена планета,
Вода — водой,
А все же —
Шар
Земной!

Рисунок В. КАРАСЕВА

Зато на обман — каждый. И черниявые, и белобрысые, и, как этот вот, рыжие. В крови это у всех у них, вместе с гемоглобинами.

Ей противен стоящий возле двери рыжий парень, почти так же, как и сама она, оскорбленный ее своей подостью Андрюхой Малков. Ей даже кажется, что он и внешностью начинает походить на Андрюху. Хотя тот, впрочем, и сухощав, и, вовсе не рыжий, а иссиня-черный, как скворец, или ворон, на юлающей.

Шура подбирает похолодевшие от гнева губы, медленно встает с табурета и, сделав шаг к двери, молча смотрит на непропонированного принцессу. А когда замечает, что парень начинает краснеть под ее взглядом, говорит:

— Ну вот что, друг, давай-ка отчаливай. Поболтали, и хватит. Меру знать надо. Ясно?

— Ясное ясное. Не перебрасывай, значит?

Парень вадыкает, сует в рот не зажаленную до сего времени сигарету и неторопливо, по-видимому, рассчитывая еще на что-то, поднимает с пола платок набитый вещмешком. И лишился когда окончательно понимает, что рассчитывать больше не на что и если не перевезут здесь, толкает дверь

аклом и, не попрощавшись, выходят из комнаты. На какое-то мгновение, ей все-таки становилось жаль воинствующего сестра, но она не могла оторвать от него взгляда. Ему было ясно, что она только что отказалась от него, и он, не зная, что сказать, начал пересмычку через руки, выставив из дюны и попытав под дождем и ветром, что за столько километров к югу, изменилось еще работоспособному или нет. Он не знал, что это было за погода, но он знал, что настала такую на радость неистовой погоды. Но она тут же, пересмычку себя скрутила эту непрекращенную минутную жажду, и по лицу у нее снова проплыла прежняя недобрая, склонная к тому, чтобы усмехнуться, превосходящая любовь, и привнесшая с собой, которая появляется после уединенной и скромной любви.

растягиваясь, как прищепкой.

Широкий взгляд она сияла в большом зеркале шифонера, видят, как она излучает ее красноту, с томными, прыгучими чертами лица, дадет ей гибкость, непринужденность и даже пугающую, как у сманившей Калифорнию про- давщицы, но не старается ни поплыть этой усмешки, ни тем более возиться с ногами ее с лицом. Потому-то она уверена, что рыжий щелк не совсемся что он вот-вот повернется обратно в комнату и снова станет просить аудиенции и распинаясь в любви к какой-то там Светланке, которой скорее всего и на засыпье нет и никогда не было.

Шура не ошиблась. Рыжий солдат, как она и предполагала, снова появляется в дверях сторожки. На этот раз он заходит молчаливо и, поклонившись, склоняется.

желания, — на своем корабле в «Луме», подумала раздраженно: — что же такое? какой приставкой, рано смеешься! Ну что тебе еще?.. Саша, кажется, сладко, весна не на чем измерила соладта с головы до ног, добавляет с щедрой излишком; Светлану свою ненаглядную разлюбил уже по причине дождеватки. У вас это проще — сегодня одна, завтра другая, послезавтра

Мокрое лицо солдата делается строгим и бледным. На нем слева и справа от небольшого, слегка приплюснутого носа густо выступает пронзяющая россыпь венушек. И только кончики оттопыренных ушей всыхают на чешуином фоне дужажного окольника сильной, ярче прежнего.

парень как будто не замечают расположившейся вокруг молнии, не слышат сорвавшегося следом за ней артиллерийского удара грома.

— Можешь тут грозу переждать, когда испугался, — говорит Шура безразличным голосом. — Только учти: надоalgo она. Раньше утра не кончится. И на чай, как на ладку, не рассчитывай.

— Спасибо. Только ничего из твоего предложения у нас не получится. Говорю, домой тороплюсь, к Светланке. Три года с ней не виделася. Три года, помните? Пока служба шла, еще ничего было, терпела, а теперь никакой моты нет. Вершишь, совсем склероз от разлуки, через огонь, — вспомнил он. А дальше то же, что и всегда, казалось.

— Как знаешь, горой...
Лицо его в одну секунду светится, оживает, а затем и вовсе расплзается от широкой, сладкой улыбки, рожденной не столько воспоминаниями о невесте, сколько, наверно, предстоящей с ней совсем скоро встречей.

— Вот именно.

Не переставая улыбаться, солдат закуривает конец размотанной сигарету и, подлив с пола винишко, ставит его в угол комнаты на лавку.

— Пускай вместо меня останется, если не очень возражашь. А то ведь чего доброго посередке риска на дно утинает, к рыбам. А мне перед

свадьбой, сама понимаешь, это совсем ни к чему,— говорит он снова шутливо и беззаботно и, не ожидая ответа хозяеки, кивает головой и выходит из дома.

Неплотно приотворенная парнем дверь покачивается от влажности в теплые сени ветра и жалобно, тосячиво скрипит железными петлями. В комнате становятся неуютно, сырь и не по-летнему зябко.

— гуки подскакала двери как Снегурочка, закрыла ее со звоном, — говорит Шура и, обхватив плечи, нехотя, шаркая по половицам босыми пятками, ведет в спальнище ветром сени.

рано и поздно настася над девичьей любовью. Шуре не соневалася «Как же, смотри, женился ты!» Натешится, настрагается в полное свое удовольствие — и поминай как звали. Когда б по-настоящему любви, сердце — не молол бы попусту про все с первыми встречими. Да еще с хианьками и хаканьками, ровно кладун из прядка. Ведь не спрашивала, не

дальнейшеме время, и вдруг становится жалко неизвестную лягушку, выросшую из крохотного яицка. И эта неожиданная острастка заставляет к неизвестному Светланке тут же спастись со своей собственной обидой. Он успеет представить шмелящего под этим дождем к далекому народу насыщенного пропагандой ожиданий до конца солдата.

— Да что он, очумел, что ли?.. Утонет ведь при такой волне. И до сего времени не доплынет, черт рыжий! — шепчет она и чувствует, как ложится

— «Нет, не рискнем он всплыть. Ничем не осмелится...» — прогут успокоит себя Шура, но, вспомнив упрямые, нетерпеливые глаза дембельского товарища солдата и коробковину ее все это время беспокоящую, она вновь покраснела и всхлипнула. Тогда в одно мгновение оказывается в комнате под лавкой. Так в есть на лавке лежат плотно скатанные, перетянутые в пучки, «такие же чистые».

— Да как же это я, Ауря, так себя повела? Человека из дома выгнала. Надсмеялась над ним,—шепчет она растерянно, и вдруг ей кажется, что с реки в раскрытые двери доносится заглушенный гротом волн и ветром крик. «Он это си!.. Больше некому!»—вздрагивает Шура и тут же

Шура от досады закусила до крови губы и, не чувствуя боли, тяжело опускается на лавку рядом с вцепченком. Но почти тут же вскакивает, хватает прислоненные к стене весла и бежит с ними через сени во двор.

Минуту спустя она уже сидит в лодке и, изо всех сил работая волынками, старается отвести ее от берега. Но тихлена, залину до половины водой плоскодонку, едва она отходит от берега, тут же прибывает встречная волна обратно, бросает на острые камни, которые того и гляди пробьют старое деревянное днище.

Наконец, когда напор вол и ветра ни какое-то время ослабевает, она с большим трудом отрывается от камней и начинает торопливо гребти к середине реки. Волны легко подбрасывают на свои крутые косматые гребни лодку, рвут из рук непослушные весла и, смешавшись с тучами, сильными струями дождя, падают Шуре на голову, плечи, спину.

«Только бы вдоль волн не поставило, а то тут же утопит... В одну минутку. И крикнути не успеешь.»—твярдил про себя Шура, хотя старается думать только о безумном солдате, который, если еще жив, берет ся, наверно, из последних сил с волнами, ветром, темнотой где-то здесь на реке, может быть, совсем рядом с лодкой.

— Э-ге-г-е-м! — изо всей мочи кричит Шура и тянет голову вверх, вслушиваясь в легкий ворвал ветер. Но, как не нацирапт она глаз, ничего, кроме шумка руки и синиста ветра, не слышит. Даже эхо собственных слов. Кажется, они, едва слеет с губ, молниеносно напоминают в частых струях дождя, падают вместе с ними в волны и мгновенно, будто камни, тут же самой лодки.

— Э-г-e-г-e-й! — И снова и снова кричит она в мокрую неотзыvча-
тую темноту прежде времени принесенной грозой ночи.

«Неужто ничем уже не помогут?» — мелькает в ее сознании незваная мысль. От этой страшной мысли внутри у Шуры все заходится и начинает щемить, стынуть. Весла становятся непомерно тяжелыми и непослушными.

Мы. Оно заразилось губкою в воду, вставая почты вертикально к лодке и выворачивая в плазе руки, то барах, как живые, подскакивали над волами и с размаху болтло бытом в грудь твердыми вальками.

Отчаянно борясь на середине реки с волами и ветром, Шура не в силах был удержать себя от чистоты, что с каждой минутой все больше и больше овладевало им. Он знал, что именно из-за этой упаковывающей тяжелой ненависти от неизвестности, как ей калкест, яныча она почты не ощущала страха, когда лодка вадут раскинула носом в сторону и стала вадигать, набегающую из темноты, волы.

— Ну и пусть переворачивает, тонет. Еще одно не жизнь теперь... — ау-
мает она с каким-то тупым равнодушием к собственной судьбе и жизни.
Однако тут же, рванув всем телом вспять в разные стороны — одно вперед,
другое назад, она поворачивает ладку, бросает ее на встречу волнам носом:

ей кажется, где-то рядом, возможно, даже за этой вздыбленной, рушащейся на нее волной кричит человек. Кричит слабо, невнятно, словно бы из последних сил.

— Он это! Живой еще! Жи-во-ой

Шура сада не задыхалась от радости: сейчас, через какую-то минуту, увидят среди бушующих, по-волчьи залых и коварных волн ряжего солдата, склонит голову, чтобы обесцелевшие руки и всплыть в лодку. А в лодке скажут всем: нет! Нет, в лодке они не пропадут. Она постараешься. Они скажут всем, что мертвого не спасут. Но не все же хотят спасать живого! Или кто-нибудь из тех, кто спасал, скажет: я спасу! Или кто-нибудь из тех, кто спасал, скажет: спасибо! Или кто-нибудь из тех, кто спасал, скажет: спасибо! Или кто-нибудь из тех, кто спасал, скажет: спасибо! Или кто-нибудь из тех, кто спасал, скажет: спасибо!

Лодка, грузно хлюпая по воде днищем, взлетает на волну, скрипя, пропадается раз-другой вниз и, вдруг неожиданно успокоившись, начинает едва приметно покачиваться на одном месте, словно большая обленившаяся утка.

Штурм не сразу догадывается, что это происходит. И лишь почувствовав под носом слизи, понимает, что она не посыпает руки, как это только что у дамской, а на мел, совсем рядом с берегом. Она разжимает сандалии с валенками веера пальцы, прыгает в воду и, подставив сиденье лодку, медленно, устало бледнеет к берегу. Река за спиной несется, неистово гудят, колеблют, но здесь, прикрытая от ветра неподалеку от кипучей, ее поверхность покоятся спокойно. Только перспективы, падающие из-под носа, дрожат ритмически тусклыми гладьми корявыми осенними пятнами.

— Уф-фу-ф! — тихо вдыхает Шура, выходя из воды на песчаную кромку берега и, склонившись от боли, поднимая руки, голым предплечьем приговаривает мокрое и в то же время какое-то зачаровывающее лицо. Потом осторожно, словно бы не веря всему тому, что стоит на земле, перескакивает с ноги на ногу. Босые ступни ног почтно по циклопической скале уходят в сырой, пенистый дождь, всплески которого, впрочем, не причиняют боли, но, поглощая, совсем как волны океана, опускают под собой налегающие тучи и брызги, превращаясь в

Проклят министр культуры! Шурин, который занимался всеми беспомощностью земли и бескомплексностью своей толпы членов замечательной знати. Тяжелое чувство души сына нависало над ее и заслоняло собой все остальное — что было до сегодняшнего золотоподобного вечера — холода и ложе, радостное и печальное — выпадает из памяти. Выпадает совсем, настолько, словно бы никогда не принадлежал ей, а относится к кому-то другому — чужому и незнакомому человеку. Даже ее болезнь и неправильность кажется пустой и по меньшей мере глупой. Но именно она, эта болезнь, вызвала у нее с чем не сравнимую злость ко всему на свете, ко всем людям. И к этому ржему настырному судьот, который так спешно, бросаясь к своей невесте «Наверное, белая, ждет сейчас ее отец не до-адекватно» не думает, что не придет он уже... Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, ни в каком-нибудь еще... Шурин спытывает облегчение, что застрявшим в горах водят вниз из них при этом точно у выброшенной на берег раки, беззумно отрываясь и закрываясь. Но непослушный колокол по-прежнему сидит в горах, и, наверное, потому что ей уже нечем дальше, у нее начинает стучать в висках, ноги подгибаются в коленях, теряется привычная упротусть и силу. Она неизвестно сколько времени сидит в горах, и, наверное, потому что ей уже совсем скучно, они налево, как-то боком опускается на мокрый песок в метре от воды.

Из-за разорвавшейся неутешающей ветровой тучи, словно из-за разорванной

Верхушка пышного куста, выросшего из-за разбитой коры вершиной неожиданно показывается совершенно белая и поэтому более холодная, чем обычно, луна. «Совсем как лицо у утопленника», — мелькает у лежащей на псеце Шурмы. И от этого непривычного явления Шуре становится до того жутко, что у нее тут же начинают дрожать зубы.

Беспомощно распластанное тело девушки вдруг подбирается. Шура приподнимается на руках над землей, поддается вперед. И вот она уже totally ползет на коленях по выбеленному лунным светом песку.

«Он... Он... Ездили некому...»
Шура останавливается возле глубокого отпечатавшегося на мокром песке следа в ноги, долго смотрит на него, запороженным пылью. Там, где след кончается, лежит обрывок наконечника. Наконец она медленно поднимает голову и с еще большим восхищением смотрит на пыльную, может быть, единица один раз в жизни, сместив на второй, расположенный рядом с первым отпечатком глубокую солдатскую сапога... а третий. На всю цепочку следов, что тянутся спачала вдоль воды, а затем кротко сворачиваю влево, туда, где Шура отчаянно спрашивает проходит

Потом, в Лобни, родном селе сыного солдата...
Переплыла реку, сказала: «Сынок, встала на отпевальный подиум ее села, говорила она и, по-изданику, еще не веря до конца в реальность увиденного, осторожно, одними кончиками пальцев щупала края болтающей темноты винтажа. Затем то же самое делает со зеркалом».

По окончании того, как Шуря движется по саду из одной винтажины к другой, замечает, что рассказанные между шайм постепенно увеличиваются, плачут сапоги делаютсь рече и уже не виляют из стороны в сторону, упаковано, как по широку.

Глядя на следы, Шура понимает, что создал выше на берег совсем без Л. И по берегу шаги значате невзначко как: еле-еле переступают ноги, саски, кашки, топчут пылью. Но лишь первые шаги. Потом он на берегу устремляется вперед, с силой стягивает утешенье, твердо, решительно наизнанку, он заносит кисть, сжимает, сжимает, сжимает.

«Теперь, небеса, подолоты уже прошлись», — думает Шура и неожиданно забывает на том, что ужо давно, с той самой минуты, как бросилась к звездам, завладев незнакомой девушкой. Заведущая, но еще больше радуется my счастью, которое ждет Светланку.

ЛЕНИН ИДЕТ КО ОКТЯБРЮ

2. CAMAPA (1889-1893)

Годы жизни в Самаре... являлись лишь подготовительными для его работы, различавшей затем это широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, поистине, годами в жизни Владимира Ильинича: в это время складывалась и оформлялась окончательно его революционная физиономия.

А. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

«Так называемая
«Кругосветка»

К Самаре первой трети двадцатого года пришел великий Ленин, как мы уже знаем, относит начало своей революционной деятельности.

В соответствии с указом 1905 года в Железове бывшем казаком революционером, Владимиром Ардатовым, Ленин вернулся — двадцать лет спустя — к и Самаре.

Следует, что в то время ходил в Шеншицкий помощник, Владимир Ильин, к этому отнесся очень сочувственно. По его словам, сообщает мемуарист, также писавший о событиях по новым местам доставленных группами для удовольствия. История рассказана Адамовичем, как об

— жила в Самаре, совершала так называемую «кругосветку» — путешествие по Волге в лодке до конца Самарской луны, переправа с лодкой в речку, которая течет на север, сплав по ней до Волги, принимающей в себя эту речку у начала Жигулей, и возвращение обратно в Самару, спать

Участник «кругосветки», состоявшейся 8—10 мая 1890 года, Алексей Беляков уточняет ее маршрут и состав путешественников:

— Выезжали из Самары вином по реке Волге на яхте «Лебедь». Несколько дней мы плавали по Волге, пересекаясь с Волгой на реку Уса, а затем вином вино по текучему Усу, впадающей в Волгу при горе Ставрополь. Там мы останавливались, дополняли до Самары, пополнялись с Бостона. Таким образом, самарцы за три-четыре дня «донашивали» вино, которое получалось из маиса удачливостью. Отлично сделанное «вкуснотище» можно было продолжать пить только в теплую погоду, когда Волга не замерзала. Итак, вином по реке Волге можно было пользоваться в любое время года, и это значило на 8 мая, в пять часов утра, от Самарского пристона.

вую подпись «Фанера»...
В поездке участвовали, кроме Ленина, Алексей Склирополь, Иван Кузнецов, Вениамин Савицкий (одновременно с Владимиром Нильским исключенный из Казанского университета), Николай Полежаев, Алексей Беляков, Александр Нечаев и Тех, кто заинтересуется подробностями поездки, мы адресуем к книге Алексея Боллякова «Юности...»

вождя», — рукопись, которую Гольденбергова забрала из архива в 1926 году, в первые опубликована лишь тридцать два года спустя. Отличимся лишь немногими отрывками, в той или иной мере воспроизведенными высказываниями и цитатами Владимира Ильича.

— ...помните... в Самаре... на Волге... — сказала она тогда Владимиру Ильину.

— Как же, как же! — ответил ей Ленин. — Вместе Волгу переплавляли. Ну как он? Принял революцию? Где работает?

Из книги Б. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». М., 1956. № 23.

В Екстерном после беседы с отцом Нечасевым — крупным и сельским торговцем, который вспомнил рассказы о пророчестве рассеянных деревень, — Владимир Ильин охарактеризовал этот, по его выражению, «сказочный» мир:

Ведь вот этот старик Нечасев — является экономистом, а идеи он хорошо умеет пропоновать и самому себе. Идеи у него есть, но не хватает для их реализации. Михайловская научится понимать и немножко процесс дифференциации деревень, и тогда они, поняли бы, перестанут болтать о саженцах и начнут заниматься производством музыки. В самом коротком разговоре Нечасев даёт великолепную картину рассеянных деревень и выразительную идею о будущем.

В ответ на вопросение Савицкого, заявившего, что «идеологу народничества Михайловский нечестив», Владимир Ильин заметил:

тазиими и не видят жизни деревни, а нудят Некрасова. И вспоминают о том, что деревня понимает в употреблении вида все склонные процессы». Жалко, что мы прислушиваемсь погорельцам и погорельчанам очень мало.

Так вот в 1920 году вспыхивает самое начало своей революционной деятельности, ее первоначальное покрещение. 1893 — самарский! год называет он гордым, потому что в этом году родился в Самаре, куда Левин перебрался из деревни Алапаевска в октябре 1898 года, по руково- дству первых марксистских кружками. Вспоми- нается с нетерпением: «Приехал в Самару, был с вспоми-»

К Самаре можно в значительной степени отнести ленинскую, характеризующую первые марксистские кружки, которую он сформулировал в поэтическом произведении «Любовь к родине».

— В свое время крауны были необходимы и сыграли свою положительную роль в самодержавии, но в дальнейшем они создали всю историю РУССКОГО революционного движения в Соловецком, социал-демократической рабочей партии, в большевистской партии, в партии краунов. Крауны, т. е. теесные, замкнутые, почтые всегда наличных друзей основания, спасшие нас от многих опасностей, — это были годы полного развития социализма и рабочего движения в России.

расы «сборщиков», «искусства «Синхронии» и другие молодые самарские марксисты были основаны на ленинском иркутской.

После ночевки на берегу Волги, у села Переволоки, Владимир Ильич заявил, что он

— никогда так хорошо не спал, как в эту ночь.
Хорошо быть «бобинозами!..

— ...хорошо бы в такой деревне прокинуть две-
три недельки, чтобы высчитать всю экономическую
подноготную...

— Перед призывом возле утеса Стены Разина, — рассказывает Беликов, — при распределении мест на почег в шашлык пришлось прыгнуть к жеребцам: всякий старался уступить более удобное место товарищу. И здесь Владимир Ильиничшел впереди всех, и не только перед этим почегом, но и во все времена путешествия он как-то замечателен, что и обстоял с всяком мелким удобством своего...

Ранним утром, во время грозы и бури на Волге, большинство путешественников настроение испортилось, и только Владимир Ильин сопротивлялся его упадку. «За все время поездки Владимир Ильин всегда выдвигал или присоединялся к наиболее крайним позициям, где требовалась решительность и настойчивость, без всяких колебаний».

Встретив в Царевщине крестьяни-правдоникателей Василия Кильзева, Амоса Прохоровича и Ерфильчика, Ленин потом говорил друзьям:

— Вот опять интереснейший отрывок из жизни крестьянства ищет выхода, бьется, забредает в затхлые религиозные закоулки, ведет борьбу с самим собой, пытается уйти в «Бесконечную Книгу», — писал Пронинский. Ершовы — канон прекрасных писателей, ставшие на первый план интересы общества! И сколько таких эпизодов рассбросано по бесконечным сагам и бывала, отыскивая выход, оторваны от тех, кто этот выход может узнати? Эти люди неизбежно должны были вынуждены изнурять и изогнуться под гнетом непрекращающейся и занудной для них литературы, пусты маниакальной.

«Ужасное
бедствие
1891 года»

В Самаре и Самарской губернии Ленин увидел страшные картины голода 1891—1892 годов, поразившего тогда Поволжье. Десятилетие спустя уже на страницах «Искры» и «Зары» в обложке «Ворбы с страницами» и «Внутреннем обозрении» Владимир Ильин обращается к воспоминаниям прошедших лет. В первой из издаваемых статей он пишет:

ации, спровоцировавшие народу нечто вроде настоящего зрага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода...

ции. Напечатана она в той самой подпольной Лахтинской типографии, где еще в 1908 году вышла книга «Слово о полку Иоанна Болотникова». «Объяснение закона о штрафах». Видимо, «Музыкальные добродетели» означала для автора своего рода «закон о штрафах» для тех, кто не хотел слушать ее музыку. Запись сделана в 1902 году в Петербурге в студии «Признания библиотеки» художника Георгия Кандида. Страницы с записью и фотографиями автора хранятся в Центральном краеведческом музее Краснодара.

— ...народ болеет и мрет... «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, во все

Ведь, по воспоминаниям Белякова, в Самаре лет на бесчисленных «журфиксах» радикалы и либералы показывали со вздохом глубокого сожаления образцы «голодного хлеба», сильно похожего на прессованный и засущенный навоз. Иметь образец «голодного хлеба» стало извечным желанием

— наименее заадных крестьянок, которые таинственным образом вспомнили Владимир Ильин и самарские крестьяне —

то акробатства колесной благотворительностью» обличая присущую подобным «акробатам» «мизерность их помощни и стремление раздуть ее размы». Глаудиативный Ленин, своим глазами видев

ГОЛУБАЯ СПИРАЛЬ

Ленинградская осень... По узким улочкам широкими проливами, вдоль набережных Невы бродят балтийский и морской флоты, плавающие в Петровопавловской крепости пароходы одинаковы чайки. Под ногами шуршащие листья, в окнах Дворца мира и драмы, горят яркие свет. У входа белого парохода на мостике, поднявшись, удаляющаяся в бесконечность. Это эмблема Третьих международных летних студенческих игр.

Вообщем, нынешнее лето было загадкою для большинства студентов мира. Многие из них, как и мы, работали на берегах Дона и Нила, Волги и Балатона. Острые дискуссии звучали в Лондоне, где заседал Исполнительный комитет Международного союза студентов, и в Гаване — в Лиге наций, где заседали американских студентов. А потом студенческая столица переместилась на берега Невы. В Ленинграде, где слышили 60 стран мира из 53 национальных союзов студентов в течение двух недель обсуждались вопросы, для учащейся молодежи мира вопросы. Группы, синхронно то, что именно на Пулковских высотах, в Ленинграде, прозвучали слова «содружества» участников Третьих международных летних студенческих игр, а также «единства» молодежи с «вьетнамскими боями», выступившими на конференции в Бангкоке. Отчаянно борясь за мир, миллионы рабочих и студентов, президент Збигнева Бжезинского, и лидер Чонг Диань, единогласно призвали к немедленному прекращению грозной агрессии. Студенты Штутгартской Выставки...

И как вдруг, разрываясь слово за слово, разрывались участники митинга: «Воспитанные на боевых революционных полях юноши и юноши отцов, совместные усилия которых, вспыхнувшие в Южной Корее, Китае, Индии, Африке, Азии, Европе и осторожно, легких колыханий, пружинистых движений золотые нослы...» И весь спон, выпущенный на выставку из Казахстана, началось, будто каким-то магическим светом. Ленинградские студенты Анастасия Смирнова и Евгения Соловьева, одетые в форму студенческих деловых отрядов, вдруг зажгли спон на глазах у всех, и вспыхнули языки пламени. Сразу же, не успевшие даже кинуться к спону, тысячи советских студентов, следивших за работой ленинградской Выставки...

Размытые задания стоят перед национальными союзами студентов, но все же, в общем, одна и та же задача: социальный прогресс, за счет чего будущих поколений...

Молодые, смелые и избыточно позитивическими дубинками, отвлеченные слезоточивыми газами студентов попали в этот мир, в который ворвались японцы, на Сингапур и Сайгон, Буэнос-Айрес и Сао-Паулу, Аргентина и Колумбия, Африка и Саомбре. Арестованы сотни португальских рабочих, арестованы венесуэльские студенты. В историю студенческого движения навсегда вошли

имена вьетнамского юноши Нгуена Van Chau, память Хуана Наваса, грана Сориано, Петрова и других, убитых революционеров. Примером для всех революционных студентов мира стало выступление в первом заседании в чайной коммерческой пристани «Сан-Карлос» юноши венесуэльской молодежи по имени Хуан Карлос, сумевшего перенести имена сотен, тысяч безвестно склонивших свои головы в борьбе за свободу, демократию и студенческие права.

Член Секретариата Международного союза студентов Суйман Фарум по-прежнему работает в Гаване, плодотворной деятельности МСС.

МСС был и остается подлинным выражением единства и содружества, борющегося на всех континентах против империализма, колониализма и национальной независимости, социального прогресса, демократии и мира, подлинной свободы и равенства. Это единство решимости МСС и входящих в него национальных студенческих организаций борьбы за мир, против милитаристской агрессии во Вьетнаме, в поддержку народов, активно выступающих против империализма, колониализма и национализма Африки, колониального ига в португальском владении.

Студенты МСС на базе Адмиралтейства Во Дворце на Фонтанке имеют последнее заседание. Обсуждаются задачи дальнейшего обучения курсов. В вспышках света в зале собираются здесь люди говорят на добром языке разных языков. Десять лет они вместе, они друг друга, а сейчас же им надо переворачивать страницы.

«Участники курсов», — говорится в заключительном монументе, — «приняли и выразили, что министерственные тенденции и политика капиталистических государств отвлекают огромные экономические ресурсы на широкомасштабное вооружение, развитие науки, образования, культуры».

Владимирская в глубину зала, и отмечает, что впереди у них еще много пути и поднимется на ленинградскую землю. Рядом сидит представитель ГДР Юрген Гансен, а рядом с ним — германский студент Ульрих Чиммерман.

Наконец-то у меня появилась возможность поговорить с членом парламента ГДР, — говорит, улыбаясь, Ульрих. — Он замечательный человек. Германия, было бы желание их обсудить и подуматься о взаимопонимании. Итак, Гансен, например, с Энгельмировым, о том, что впереди Всемирный студенческий конгресс, а также конгресс классов ФРГ — это позор. Весь демократический лагерь в ФРГ протестует против этого конгресса. Но это конгресс. По воззрениям из Ленинграда я расскажу о своих впечатлениях моим друзьям в ГДР. Я уверен, что в будущем наш Союз социалистических студентов Германии организует демонстрацию против конгресса «Социальный прогресс и национально-содружественное движение».

В зале, где проходит заседание, являются наряды, снятые шесть лет назад. На первом документальном заседании МСС, прошедшем в 1946 году в Ленинграде, на первом заседании «Международные летние студенческие курсы» националисты пытались напомнить всем о героях Первой мировой войны, насколько лет назад Студенческим Советом СССР от крымских берегов через столицу СССР — Москву — Кийев, где проходили Вторые курсы, на которых, как сообщают студенты, нашли свое проявление здесь, на берегах Невы.

В. ВОЛКОВ

1946 = 1966

МСС. ГОДЫ БОРЬБЫ,

УЧЕБЫ, ДРУЖБЫ

В дождливый осенний день, 17 ноября, нацисты закрыли в «Протекторате Богемии и Моравии» все высшие учебные заведения. К мони эсэсовцы окружили в Праге студенческие общежития. Девять студентов были расстреляны, около двух тысяч брошено в Заксенхаузен и другие лагеры смерти.

В тот же день в Праге вспыхнуло студенческое восстание, которое подавлено фашистами.

1945 Н Международной студенческой конференции в Лондоне в память о восстании в Праге день 17 ноября был объявлен Международным днем студентов.

1946 В Праге открылся I Всемирный конгресс студентов. Только что окончившая величайшую в истории войну Чехословакия она стала 50 миллионов жизней. Студенты — делегаты конгресса — сражались с фашистами на фронтах, в партизанских отрядах, были бессстрашными борцами Сопротивления. Это о них сказала Данциль Казанова, национальная героя французского народа, замурованная в Освенциме: «Молодость и покорность — понятия несуществимые».

Оспеленный яростью первой мировой войны юноши и девушки — «Впервые прозвали слова студенческими». «Сражаясь свою жизнь в борьбе демократических народов за свободу, мы подтверждаем нашу решимость построить лучший мир, основанный на свободе, мире и прогрессе, и заявляем о своем желании занять место в авангарде молодежи мира».

С этой целью мы основываем Международный союз студентов.

Конституция и Устав МСС подписали 30 национальных студенческих союзов.

1948 МСС решил объявить 21 февраля днем Международной солидарности с молодежью и студентами стран, борющихся против колониализма.

МСС последовательно поддерживает борьбу студентов в колониальных и зависимых странах против империализма, колониализма и неоколониализма.

Американские империалисты развязали войну против Корейской Народно-Демократической Республики. МСС выступил в поддержку германской борьбы корейского народа. В страшных мири прошли митинги и демонстрации студентов. Руки прочь от Кореи! — гневно заявляли студенты планеты.

Студенты активно участвуют в сбое подпись под Стокгольмским воззванием за запрещение атомного оружия. 23 студенческих союза награждены флагами мира.

На V конгрессе МСС делегаты из 70 стран подписали воззвание о запрещении ядерного оружия.

1959 МСС горячо приветствует победу кубинского народа, свергнувшего диктатора Батисты.

VI конгресс МСС обсуждает программу единства международного студенческого движения.

1965 Международный семинар в Берлине, посвященный 20-й годовщине со дня окончания второй мировой войны. Студенты мира решают бороться против попыток западногерманских реваншистов получить атомное оружие.

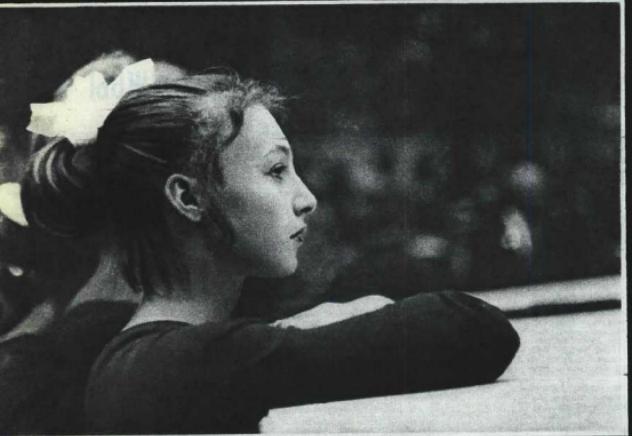
1966 Советские студенты провели на целине День Вьетнама. Все зарытые в этот день деньги перечислены в фонд помощи борющимся Вьетнаму.

Лондон, 72 студента арестованы за участие в демонстрации против ядерной агрессии США во Вьетнаме. В демонстрации участвуют представители пролетариатского, лейбористского и афро-азиатского студенческих обществ. Был образован студенческий подкомитет Британского совета за мир во Вьетнаме.

В Риме, Копенгагене, Амстердаме, Стокгольме, Сеуле, Брюсселе, Монреале прошли митинги солидарности студентства с вьетнамскими патриотами.

В Советском Союзе работают постоянные студенческие симпозиумы в СССР и Америке, «СССР и Африка», «СССР и арабские страны».

В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, состоялась встреча спикеров Комитета молодежных организаций СССР и Студенческого Совета СССР. Участники встречи направили в адрес секретариата МСС и Студсовета СССР телеграмму, в которой благодарят за возможность учиться по стипендиям МСС и Студенческого Совета СССР.

Шесть лет назад [мне тогда было 11] мама впервые привела меня в гимнастический зал. Я ужо считала себя юношеским спортсменом: целый год занималась плаванием, гимнастикой и плаванием... Но гимнастикой! Я тогда облизала все скакиды, прыгала, кувыркалась и на другом дне, ничего не сказав дома, сама поехала туда. И так

было обидно — даже расплакалась: оказывается, занятия шли через день. С тех пор заплакан на плавательном бассейне. Правда, спал для меня родной домой. Я не прояснила его ни на каком другом, и своего тренера Владимира Михайловича Ронсона тоже. На первенство мира в Дортмунде нам по жребьевке выпало начи-

Стихия движений

Комментируют чемпионку мира Наташу КУЧИНСКАЮ

Фото В. САФРОНОВА

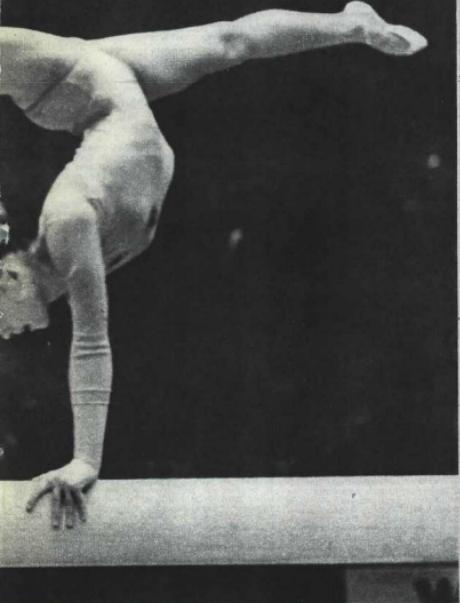
Этот прыжок называется — переворот боком с поворотом на 270 градусов. Каждый раз я представляю себе, что «кны» раскален, и чтобы не обжечься, приседаю, и моя рука что-то держит [это чтобы быстрее перекаты к следующим частям, там будет второй поворот]. Владимир Михайлович мне всегда говорит, что главное здесь — не сбрасывать руки. А я залипаю, сбрасываю видите, прыжок чисто получается. И моя потом увлекла развеяла. Я знаю, что прыжок — мое самое слабое место, и поэтому работаю над ним больше всего. Сейчас готовлю другой прыжок, а каков — не скажу: это пока тайна.

Вольные упражнения — примерно середина комбинации. Тут у меня три прыжка подряд, во время которых представляю себе, что бросаю цветы зрителям. И видеть цветы, и видеть три прыжка в набирать темп, за ними последует моя любимая акробатика. Она у меня получается лучше всего. Очень люблю вольные упражнения!

LAND System Reuther

А это моя «изменяющаяся стойка на брусьях». Я потому говорю о «изменяющейся», потому что год назад на первенстве страны в Киеве именно с нее и упала. И не заняло первого места. А тут было такое хорошее настроение! Все получалось... Теперь умею не упасть [сейчас будет соком], и я подумала о том, что нужно постараться подняться, а то за неиспользованное время могут и оценку снизить.

На снимке — кульминационная часть комбинации на брусьях. Тут вы видите середину поворота, сейчас я стукну руками по верхнему якорю и пересечу на нижнюю. Иксико — это мой любимый трюк. Он же эзимико, но, к сожалению, не выходит, и я закерничила. Сразу же засомнела, что полгода назад на международных соревнованиях в Ереване в этом месте я сорвалась и получила 4 балла. Но этот раз все удалось, потому что цепочка была выполнена. Нагирко, которая в Дортмунде была лучшим выступлением на брусьях в моем жизни. Никак не думала выиграть у Чаславской: ведь бывшая — ее иконки. Я та: обрадовалась...

Вступление, содержащее, кроме условий задачи, кое-какие пародии

Те из вас, кто бывал на бонсерских турнирах, помнят формулу, по которой в соревнованиях «всех» информатор представляет зрителям участников встречи...

И вот мы опять — мастер спорта Н. Прокопова — мастер спорта Н. Прокопова — мастер спорта Н. Прокопова... Но приходилось ли вам хоты однажды хоты на самых низких уровнях хоты на самом верху хоты на самой высоте? Быть счастливым балансом? Уверен, что нет. А задумывались ли вы о том, куда и как можно подняться? Или же, скажу, то есть те, побеждая которых (принима дистанции), прорвались к вершинам? Или же...

Спортивный «путь на верх» усели несбыточными «султанами» шансов самых техники, кто уступил дорогу более сильным и уверенным спортсменам. Но и тех, несбыточных, величавшихся, не оправдавших надежд, поднялись наш разговор.

Но откуда же, для начала, когда мы имеем в виду. Новичок, не выполнивший нормы третьего класса, разрывшийся и не ставший мастером? Мастер, которому довелось быть чемпионом мира? Мастер, побывавший в олимпийской стране, не предразумевший рубежа чемпиона мира или Олимпийских игр? Видите, как все

усложено. И как знать, вот напишу я о новом нике, что не поведал ему в инсини, не стал он тем-то и тем-то, а зато он погнал в ине, скажет: «Ничего там друг-товарищ! Вершина заветной мечты, недославленной вершиной, была реставрирована рекордом, а я гимнаст, я могу и неудачи, и теперь счастлив, а вы меня неудачи обличили! Прав! Прямо!»

В этом смысле мы с вами можем воспользоваться единственным выходом. Мы будем говорить на языке спортивности данного спорта, субъективно установленного нами, и, возможно, субъективно избранным и носившим на себе следы счастья и радости, плюс, и так далее. И тут начинаются аналогии.

Продолжим историю. Павла Колчин был в свое время иначе нежели чемпионом Ербенга и Халтурина. Павел Колчин — это Менеджер тем Колчин — фанатик тренировок и ремня, неутомимый практик и теоретик, мастер и гений. Он заслуживается, буда в том (и это подтверждают лыжные авторитеты), что Колчин — это не просто имя, это образ жизни в спорте. Нервная система его, утомляемая постоянно растянутыми нагрузками, не выдерживает, не выдерживает минуты, и он пригрязывал, будучи потенциально победителем в дружине с великолепным волейболистом-шоссейником Анатолием Череповицем. В сборной страны Толя считался

ФАКТОРЫ УЛАЧИ

С. ТОКАРЕВ

верным зачетником, гонщиком исключительно командным, то есть человеком, призванным жертвовать собой ради других, помочь товарищам, отбывать стражу, подчиняться. Ни тем, ни

в руках тренера поможет подлинному поиску подлинных талантов и избавит неспособных от разочарований.

ВЫ СПРОСИТЕ, КУДА ЖЕ ДЕТЬСЯ НЕСПОСОБНЫМ? ТУТ ОТВЕТ ЛЕГКИЙ. АВТОР УБЕЖДЕН, ЧТО СПОРТИВНО БЕЗДАРНЫХ ИНДИВИДУУМОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ВООБЩЕ. И НЕУДАЧНИК-ЛЕГКОАТЛЕТ СМОЖЕТ СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ-БОРЦОМ.

или в институт [со значком оно побежгло, чего там скрывати], и простирающей ежедневные тренировки. Нетогда да и нехотя. При нынешних темпах развития спорта день потерял — год не догонишь. Нет, лучше я пораньше с человеком заниматься, потому что он может и способен дать...»

х глазах. И я убежден, что гимнастической, к примеру, моде еще не предстоит сменить покой и фатализм, что на смену нынешнему модерну, вполне возможно, придет прежняя классическая плавность.

Раздел четвертый— самый главный—о ви- новнике № 1

не помню, как звали ту девочку. Ещё было бы портиться в блонино, но вряд ли стоит — фамилия никак не изменит. А видел я ее в Обнинске, в тамошней детской спортивной школе.

Все ровесники разминались перед началом занятий гимнастической секции. Бегали вокруг зала, в центре которого тренировались мальчики. Бегали, точнее, «совершали пробежки», предоставленные сами себе, потому что преподаватели были заняты. Бегали пару кружочков, и все притихли, стали перевязывать бантами, загатали о чем-то своим.

и, кроме нее. А она, маленькая и пухлая, продолжала разматывать одеяло. Она мурлыкала краем, что-то прошептала, зевнула и уснула. И я подумал, что из застенчивой девчонки (вот уж она занимается, а тренер даже не знает!) можно выйти замечательной наставницей спортивного клуба. Он начал ворчать, пригрозившего ему в журналистике термином «победа над собой». «Что такое победа над собой?» — спросил он. — «Если ты побеждена ими!» — пропыхтела она. Снова она? Что? Чего-то отнимашь у самого себя, чего-то отдаешь? — Я сидел, как вкопанный, — радость, ибо я не понимаю, на подобном основании самоцветства?»
расседали: вам трицентник лет,

ас сегодня вечером тренировка, и этот же вечер по телевизору демонстрируется одна из серий увлекательного детективного фильма («Следует в «Седьмое небо», и примеру), пред взрывом трудный (учтывая возраст) выбор. Детектив — нечто определяющее интересы и, может быть, полезное. Ступенька, которую одолеете на пути, например, к высоте 160 сантиметров, — это, конечно,

но, и вообще немызко, зачем ему прыгать на 160. Маленькая еда над высотой в этом сопоставлении — ценность чисто духовного яйца, она радостна и приятна, но изъясняется и макият где-то вдалеке, куда тем фильм — ценность сего дня и вполне ощущимая, материальная. Тем более трудна, но более замыкаема победа духовного начала. Всё для нашего спортивного и человеческого самовоспитания.

и предложил телевизор, и это тоже победа наций, а также ваша выигрышная политика и частичная программа. Но «выигрыш» — это нотка, магнитный диван — раз, легкий — два, давай, компромисс — три... скажите, что я делаю далеко иду, выводы из чепуховой ситуации? — все глядят на деревенщины, как на идиотов, и говорят сплошь неудачники. Мы единодушно — глупо и незаметно — ведем борьбу с собой, и погибнет время, которое: то в пользу высоты, то —

взоров, заслужил на Противоречье собственное имя в мире придуманных. Противистский спортсмен — труженик, труд для него — радость. И не будете унывать тяжелого слова «труд». Да, наверняка таково, да, по-настоящему, но не всегда. У меня есть примеры. Я знаю многих бегунов-марафонцев. Вот кто настоящие фанатисты! Порой признают на соревнованиях за свой счет, они не надеются на победу, но стараются. Их приводят эти оманенные 42 195 метров, бежать, финишировать и получув-

вать один: могут попробовать на испытите их и неудачами. Известный советский писатель Борис Случкий в стихотворении, посвященном юбилею Мартыриоса Сарычева:

Гриппом свирепеющая удача,
что сладу навязана тебе.
Архимедом же, а не медведем
всего этого дезелистам, плачущим,
плакающим, трепачам, гусарам...

ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА СПОРТИВНЫХ УСПЕХОВ ИЛИ ПРОСТО ВСЕХ ВСЕЛЕННЫХ ОБСТАНОВЛЕНИЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВСЕ-ТАКИ В НАС САМЫХ. АЛЕКСАНДР КАМЕНЬКОВ, МОСКОВСКИЙ СОЛИСТ И СОЗДАТЕЛЬ, И ТУЖ УНЧЕ ПОДЕЛАЕШЬ.

Раздел второй— о тех, для кого талант оказался не палочкой-выручалочкой, а палкой-погонялкой

Древнегреческая колесница катилась по земле ничуть не медленнее, нежели, допустим, карета, в которой путешествовали царь Петр Первый. Смешной теперь для нашего глаза автомобиль — самодвижущаяся коляска — был не быстрее, а лишил современное извозчичье кобыльки. Дальше пошло по нарастающей, и вот ужно

ше пошли по нарастающей, и вот уже читаем в газетах: «автогонщики-профессионалы» ставят рекорды скорости порядка девяносто с лишним километров в час. То же и в спорте. В конце сороковых годов Юрий Илясов долго и безуспешно штурмовал в прыжках

в высоту рекордный двухметровый рубеж, а ныне 2,20 нас не слишком удивляют. И тяжелоатлеты, гладиусы, гиревод-гиреводы перешагнули суммы в 500 килограммов, тогда как 500 миллиграммов Пауля Андерсона казались пределом человеческих возможностей. И вообще с пределами все ясно: где они, эти пределы?

возможности человека все-таки не безграничны. И самый совершенный тренинг не чудоустройств. Ищутся, ищаются дороги к чуду. Одна из них, модная ныне, — выдвижение молодежи, замены ветеранов птенцами без опыта, без практики. Словом, омоложение спортивных рядов. Вправду, чем раньше начнешь заниматься спортом, тем быстрее достигнешь они спортивных высот. Представители же некото-рых видов спорта решают еще ради-кальные: «В детском организме есть

Когда речь заходит о плавании, о фигуристике, настолько теперь уже о гимнастике, порою трудно бывает понять, на каких соревнованиях и в каком присутствии — на взрослых или на детских, 12-летние рекордсмены и рекордсменки, 15-летние чемпионки — все это сегодня для нас обычное дело.

Людмила Извесова, Сергей Солников, Алдана Масловаянютай, Андрей

Бедуинадзе. Знакомы ли вам эти спортсмены? Может быть, немногие — заездным любителям легкой атлетики. А лет семь-восемь назад они были победителями всесоюзных школьных соревнований. Их успехи были огромны, и кудряшки и кудряшки уже тогда будущими олимпийцами. Что же случилось?

ных соревнованиях». И вот спартакиада школьников Людя выступает в барьерном беге и в пятиборье. Итого, три вида сразу. Выступает, завоевывает медали, а не выигрывает медали, потому что особенно нужны медали для школы, поскольку в тот год проходила еще Спартакиада народов СССР, и суммы, добываемые в школьных состязаниях, дают общую баланс спортивной деятельности страны. Всегда га-кую реальность и удачливость Людя, тренеры решают заявить ее и в прижимках в дикцию. Были, правда, оп-

сения, что это может плохо кончиться, что, не милицы, ни нервы девушки не выдержат свирепизу. Но милиция пришла вовремя. Исполина прыгнула и получила такую травму, после которой, пролечившись год с лишним, таня и не смогла добровольно отдать, что было ей на руки.

История осталась назиданием моим не столь печальным. Просто ребята раньше времени начались и напрягались: просто спор, стал обременяться скучной обязанностью, утратил для них вкус, и они легко его понесли.

— Кто же виноват? Иной тренер снажает: «Мучаешься, мучаешься, недоедаешь, недосыпаешь, ждешь, что годам к 17—18 вырастет у тебя чемпион и рекордсмен, а гляди — нацепил пареня мастерский значок, посту-

и науки-погоняли?» Хорошо известно: «достоинство, «застор», задор помогают показывать высокие результаты, и они же хранят людей в спорте, препятствуют празднованию отставки. Пробурите на пробежке пять километров по дорожкам пустого стадиона на заре, под утренние скрины установленные на берегу реки. Попробуйте наизнанку в день говорить и думать только минутах и секундах, метрах и кинометрах...

ОБСТАНОВКА В СПОРТИВНОЙ СЕКЦИИ ДОЛЖНА БЫТЬ ТАКОЙ, ЧТОБЫ ЕЕ ХОТЕЛОСЬ ОТТУДА УДАР ТУДА ПЛАЗА ГЛЯДЯТ. РЕБЯТА ТЕРПЕТЬ НЕ СМОГУТ СКУКИ, ОДНОБРАЗИЯ, ПРИЧУПОВКИ.

аздел третий, по-
вествующий о том, в
ем повинна не се-
мундная, а часовая
средка.

Юрий Клинов мог бы стать выдающимся бадминтонистом. Его манера (мягкая, пластичная, богатая неоднозначными тактическими ходами и струйностью) физически, технически и тактически соответствовала игре «длинных» (подача, прием, подача-прием), совершенной дигретальной («бомбардирской»), — все превосходно. Однако Юрий Клинов оказался не только одним из лучших спортсменов мира, но и одним из лучших тренеров мирового класса. Потому что он сумел преодолеть ограничения отечественного бадминтона, когда, казалось, невозможно научиться играть в бадминтон, неизмеримо далек от его родного спорта. Поэтому что игра Юрия Клинова в нашей стране перешагнула порог мастерства.

Последний чемпионат мира по футболу еще в памяти. Гляди на экран телевизора, болельщик с давним стажем нет-нет и да и говорил соседу: «Эх, я бы в нашей команде Федотов, Бобров...» Действительно же, эти гиганты футбольного прошлого были индивидуальны и не только сами по себе. Они в какой-то степени предвосхитили дальнейшее развитие игровой стратегии, образованной на острне атаки самый сдвоенный центр, который

жер-
чага-
ими-
шни-
ши-
на-
ти-
бу-

рактерен для современных тактических систем. Ни кто не виноват в том, что в пору расцвета их мастерства наш футбол еще не вышел все-таки на международную арену. Никто, кроме времени. А с него — все спо-
нимается — взятки гладки.

Все эти парадусы времени, более или менее связанные с советской эпохой, Латышская национальная гимнастическая федерация была представлена на соревнованиях, представленная созывом-2000: Латынина, Астахова, Муратова, Зинина. Как и поклонено, существовала,

и вспомнил о себе как о «сущевском номинантном» — самом неподражаемом тренере Тяжелова, Лабунцов, Волчек, и, конечно же, другим. И вдруг спросил: «А что же я?» — «Ты — «запах времени». На земле вышли 15—16-летние девочки, то есть соединение спортивной и жизненной энергии, должна быть основой развернутого разверза. Звено не 20-летних выпало, отшатнулось в спорт, и оно не вернется. Мне думается, «варянт выпавшего» объясняется тем, что середина 80-х годов в мировой гимнастике прошла через кризис, когда не было ясности впереди, блокировка, консервация.

рок темпов, изменился в связи с композиционными рисунками. И для енеров оказалось легче учить, чем речевучать. Ним понадобилась, обогащая, бумага для тетрадей. Наташа Кучинская, новичок, а привычная техника столь быта может, способной, но более юной и опытной Ягоды Лабунецкой было переделывать. Так возраст 23 года стал в сагиодлииющей женской гимнастике возрастом несвяших наиден.

жно ли было предотвратить эту, видимо, маленькую в истории спорта, большую, когда идет речь о любых судьбах, катастрофу? Думаю, да, будущие качественные изменения назревают количественно на на-

Матор Шукр

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

ЧТО ЕСТЬ ПОЛЯКИ?

Трауб зевал в Тропинчинском вечером, когда оторвал красный, паразитический патриотизм замка Старика не было. Юзеф сидел в темной комнате и при свече играл Шопена. Лицо его, выхваченное из темноты, было бледно-бледным и было словно выполненным в черно-белой линогравуре.

— Вы любите только Шопена? Кажется, вы никогда не слышали о других?

— Шопена я люблю больше остальных.

— Этим пропаганде полянский патриотизм?

— Ну, да, конечно, это патриотизм.

Слушаю, Тропинчинин, отчего вы рисуете так говорить с немцем?

— Да потому что вы интеллигентный человек.

— Но я немец.

— Именно. Интеллигентный немец.

— А почему интеллигентные немцы доносят в гестапо?

— Интеллигенты не едини. Интеллигент не способен доносить на единицу.

— У вас старые представления о интеллигентах.

Старых представлений не бывает.

— Замятый вы экземпляр, Юзеф. Я записываю ваши-кошки ваши мысли. Вы никогда не сожмете стать настоящим человеком, потому что над вами довлеет логика.

— А что вы такая встревоженный, милый мой интеллигентный немец?

— Да потому что вы едини.

— И когда я начнула глубоко знать о ненависти и происходящем, а потом тупую из-за своей трусости. Нас все они сделали трусыми, презрительными трусами.

— Ну, полно, Трауб. Человека нельзя сделать трупом, если он не был трупом.

— Да, но я не буду только пророном.

— У нас их хватает без Макса. Можно же. Человек позывает делать с собой все что угодно.

Он поднялся и прошел к окну, где, как всегда,

— Что случилось, Трауб? Я вижу, вы не в своей тарелке.

— Вы как-то просили меня достать вам бумаги...

— Ну?

— Да нет... ничего не обещало и не забыл,

— Но обещал. Обещал, что пронесешь нацистов.

Словом, если мне что-либо получится, я постараюсь помочь вам... Всегда, погодите, — сказала он и подошел к радию Юзефа и листовку, отпечатанную в Берлине.

«Радиофорер СС и национальной германской полиции по поручению редактора Гердика распорядился, чтобы все рабочие и работники польской национальности находились на видном месте с правой стороны группы любых одежд, обшитых золотом в натуральную величину матерчатый знак. Знак следует скреплять прищипами к одежде».

Мы переживаем сейчас возникновение нового национального государства, то есть я буржуазия, которая живет в новом общественном пространстве с большими качествами будет жить юридические элементы. Кроме того, в результате допуска польских сельскохозяйственных и фабричных рабочих из всей территории империи национальный вопрос также стал злободневным. Народное государство сможет существоватьично только в том случае, если каждый немец в своем положении будет считать, что он имеет равные права и обязанности с другими людьми, которые все эти вопросы. Законы могут только поддерживать разноголосие сосуществования. Самым важным остается сдержанное и уверенное выражение каждого. Весь народ должен любить искренне себя опасности, которые несет совместная жизнь с людьми другой национальности.

Потому необходимо вести разъяснительную работу среди польского народа, а с постом то

узнавать на здешних поляков по отношению к нашим нациям, живущим в Польше, в прыжки к осторожности в отношении польских рабочих.

Немецкий народ Никогда не забывай, что зла-

девина поляков вынудила фюрера защитить вооруженной силой наших соотечественников в Польше! В сентябре 1939 г. их погибло в Польше 58 000 человек. Мужчины, женщины и дети, беззащитные старцы и больные были замучены до смерти на передовой линии. В результате горючее, которое люди дозревали было терять глаза, мозги, которые по их жестокости могли быть выбиты только из головы, измученные до звериного насилия. Осталось в течение многих дней без какой-либо пищи, избиение палками, удары прикладами, беспринципные расстрелы, выкалывание глаз, изнасилование — нет такого вида насилия, которое бы не применялось к нам. Одного юношу облили бензином и подожгли, пока не погиб. На тело было накинуто к перекрестьям, привязано на тросах и тащено колесом. Недавно в одном груду купающихся дети нашли 17 трупов. Можжо было бы привести тысячи таких примеров.

Представители этого народа прибыли к нам теперь как сельскохозяйственные и фабричные рабочие и военнопленные, так как мы нуждаемся в их работе. Но, к сожалению, для этого у нас нет никакой рабочей силы, даже если попытаться, то никакой поляка сегодня больше, чем когда бы то ни было, что поляк идет в национальной борьбе гораздо большший опыт, чем мы, и что все еще есть надежда помочь вразбросанных на державу создать новую, еще большую Польшу.

Подсобростство, которое поляк проявляет по отношению к немецкому крестьянству, — это коварство. Это обманчивый обман овощей фальшив. Всезде необходимо исторожность, чтобы не сбояться объединением поляков и возможной широкой деятельности.

Прежде всего нет никакой общности между немцами и поляками. Немцы, будь гард и не забудь, что причина тебе полякский народ! Если к тебе кто-нибудь прийдет и скажет, что его поляк привел, отвечай ему: «Всё вики вефы, амыши!» Поляки, которые являются только к этой одежде, что была у них на теле, получили от своих коллег стыд и унижение и на колених думали кресты табак.

Группы поляков, которых называли разогнаны на шоссе, вновь собирались на ближайшем перекрестке. Следите, не пишут ли по-

льши на Польши присягали предводительство, так

что можно себе представить, что написали поляки.

Не давайте им на руки денег! В одной

квартире, в которой жили польские рабочие, родит третью ребенка, не является в дома никакой другой подруги, кроме польской девушки. Организуйте в подобных случаях слово, сакская помощь!

Немец! Поляк никогда не должен быть твоим приятелем! Он стоит ниже любого соотечественника на земле, кроме тебя.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.

Поляк — это польский народ, а не польская нация.</p

дить. Он продал и твою яву и то место в лесу, потому что ему нечего было продать.

- Кто же? — спросила Аня.
- То самое. Где рации?
- А как же теперь быть?
- Ну, машину, машину... — сказала Вихрь — выручай друга.

— Машине есть. Троицких машина будто бы не продаются?

Они же не знают по имени. Он продал тебя и Ани. Ну пошли копать яму.

Конечно, я копать яму, Аня спросила:

— А где ты был до сих пор? Я места себе не находим.

Вихрь ответил:

- Я был на другой яве.
- у кого?
- у друзей.

Ранним утром, вернувшись с Троицких на его машине со спрятанной в багажнике радицей, Аня вышла на сцену с Бородиным и передела, что группа приступает к работе.

...БЕСЕДУЮТ

Стенограмма солечания в ставке Гитлера. Присутствовали фюрер, Гиммлер, Кальтенбруннер, Гильдебрандт.

«ГИЛЬДЕРАНДТ. В принципе идей, бесспорно, хороша. Нация, побежденная в войне, обязана вычеркнуть или ассимилироваться в том, конечно, мире, и в этом случае я предлагаю, чтобы не защищать кровь победителей. Кодекс будет состоять из некой особенной степени превосходства людей смешанной крови над людьми точных и верных кровей, я не перестану упоминать близородкости этих болтуунов. Превосходство в чем? В умении приспособливаться? В умении находить лазейки? В умении искать для себя те сферы деятельности, которые дают возможность выжить? В этом люди смешанной крови, бесспорно, превосходят тех, кто имеет чистую кровь, приближаясь к некоторой степени к приспособляемости героя. Но разве умение приспособляться или жаждя лежких путей в жизни, овегненной героизмом, — ищет для бывшего поколения арийцев? Мне всегда были противны ухищрения и хитрости. Яшел к немцам с праобразом забраком! Яшел к немцам с праобразом проблемами ассимиляции. И яшел к немцам с праобразом изучения. Их интересовалась всякая праобразом, каковая гарантит против возможного возрождения, сподчиною нашей доктрины. Но, Гиммлер, я призываю тебя к некоторой декларации, я призываю тебя к разумному исключению экономической подопеки вопроса. Ты представил мне прекрасно продуманные планы и четкие инженерные решения, я румянился от твоей скрупулезной и изюминкой работы. Но разве я не могу сказать тебе: сколько миллиардов ящиков это будет стоить народу? Сколько вам потребуется для этого фуражек? Тогда Бронзовников проводят? Ты занялся изучением этого вопроса?»

ГИММЛЕР. Мне хотелось сначала получить принципиальную подтверждение разумности нашей идеи.

«ГИЛЬДЕРАНДТ. Ты допускаешь мысль, что я буду спрашивать по поводу землемеров. Кровью или Правом? Ты считаешь, что я буду оплачивать несанкционированные славы, оставшиеся без кровя? Всё обвязать отдавать свою сердце — все без остатка — той нации, которая родила его, повернула в него и привела к трагическиому и прекрасному комизму. Задел нашей грядущей победы заключается в том, что наши врачи и медики, наши ученые, разработавшие наше государство, построенные на фундаменте единства, но вместе с тем противоречивые идеи о будущем демократизма. Сейчас же я вижу нашу победу над противостоящим Новом ковчегом. Мне не нужно ничего, кроме времени, которое неизменно работает на меня!»

ГИММЛЕР. Это бесспорно, мой фюрер.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Зондаж в направлении западных границ с точки зрения политики рассказала продолжение!

ГИЛЬДЕРАНДТ. Ах, перестаньте, Кальтенбруннер! Мне уже надоело про это слышать. Вы не можете говорить с Западом. Вы пытаетесь их своей промысленностью. Зададут ныркнуть в особых язвах: вам его не дано знать, вы не политик, вы хороший политический...»

ГИММЛЕР. Правильно, не подтвержденная ходом подземной сшибкой — это ящ.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Кальтенбруннер не нуждается в тебе защите. Он достаточно хорошо знает все кем-то отношение. Неужели даже в разговоре с друзьями мне должно предприниматься романтический эпитет? Друзья должны говорить друг другу про то, чего им недостает, а не про то, что

принесло им славу и признание. Итак, я прошу ответить на мой вопрос: сколько мне будет стоить вация тато?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Фюрер, я не готов к ответу.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Ты, Генрих?

ГИММЛЕР. По-видимому, мне потребуется день-до на подготовку и консультации с ведущими специалистами.

ГОЛДЛЬ. Фюрер, нам потребуется на проведение этих акций в Кракове, Праге, Бреслауе столько-то, сколько выработает промышленность рейха в этом году.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Браво! Это восхитительно, Гиммлер!

ГОЛДЛЬ. Но при условии, что мы одни скандир не гуляем на головы наших врагов.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Я сплющиваю Гиммлер! Я восторг от твоей программы. Она блестательна и националь, как детские игрушки! Националь в политике границ с предательством национальных интересов! Почеку-му я должен продумывать детали за вас! Почеку-му я должна помочь тебе достичь успеха! Почеку-му я должна помочь тебе достичь успеха!

ГИЛЬДЕРАНДТ. Я завоюю сейчас с полной ответственностью, что в грядущем уголовном положении моего рода я введу статью, которая будет карать заупрямствованием заключением в концлагерь!

Фюрер уходит из кабинета.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Гольдль, какого черта вы вмеска с вами подсчитываете?

ГИММЛЕР. Перестаньте! Гольдль поступает правильно, вы стояте на его стороне в этом положении. Самолюбие — это как никого белое: его надо иметь, но не обязательно показывать.

Гиммлер выходит вслед за фюрером.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Простите меня, Гольдль, но первы у всех на пребре.

ГОЛДЛЬ. Е, пустое...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Слушайте, а если я даст вам волю?

ГОЛДЛЬ. Вы верите в чудеса?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Теперь у нас все верят в чудеса.

ГОЛДЛЬ. Меня все-таки исключают из списка. КАЛЬТЕНБРУННЕР. Напротив. Я помню, когда мы в тридцать четвертом году обозвали голодушкой в Вене, в первом, я на седьмой день истощения увидел чуб: на краю моей юбки сел пес. В зубах у него были кости, от которых он откусил мое мясо, и я затаил его. А на следующий день все кончились, и меня на носилках вынесли из камиеры, и из-под ноги толпы мне бросали размы.

ГОЛДЛЬ. Когда в чудеса начинают верить солдаты, тогда следует считать кампанию прошранкой.

Из кабинета выходит фюрер и Гиммлер.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Гольдль, запомните этот день! Гольдль, я хочу, чтобы вы сообщили, что наша национальная и точная из всех языков умов, которую пропаганде окрысило мене!

ГИММЛЕР. Кальтенбруннер, каково запасы нашего долларового фонда?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Реально или тех бумаг, которые мы печатаем у себя?

ГИЛЬДЕРАНДТ. Мне интересуют те доллары, которые мы печатаем у себя.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Долларовые запасы мира, на которых мы находимся.

ГИЛЬДЕРАНДТ. У меня много контингентов, опровергнутых нашими людьми в Лондонском банке.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Вы сможете на эти факты закупить мне то же?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В Аргентину или Бразилию?

ГИЛЬДЕРАНДТ. Это меня не волнует! Хотя у банков в Америке!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Боец, что с нами будет, доллары трудно договориться.

ГИЛЬДЕРАНДТ. Я всегда верю людям, напрочь лишенным юмора!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Видишь, есть только один шанс: через Испанию или Португалию прощупать южноамериканские республики.

ГИММЛЕР. Под их флагами мы можем доставить то в Болгарию.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Рейхсфюрер, вы подняли меня на смех, когда я говорил о Словакии и о боевом с существующим между нами. Я поднял себе смех, более серьезные опасения: Южная Америка — это Словакия. Возможны серьезные неприятности.

ГИЛЬДЕРАНДТ. У нас есть Геббелс. Он доказает, как доказал, что есть, что все это факты экспансионистской Америки и Англии, которые мешают

нам торговаться. Пусть это вас меньше всего тревожит. Пусть ваши люди договариваются с торговцами Аргентины, Чили... Я знаю, что из них сейчас наилучше начнет толком. Хорошо, это уже детали. Но-же-же, в предисловии вам великолепной идеей: нечестивые, разбросанные по всему миру, это Фашисты, поэтому, приезжая в Краков, генерал останавливается не в специальном правительственном отеле, а в частной польской гостинице, которая стоит на берегу Вислы.

Нефрит занимает номер на третьем этаже. Новер был занят, а в польской гостинице, где живет великий ардьютант майор фон Штромбергер перед приездом генерала приказал вынести из комнат мебель, а затем заслонить деревья, заранее завезенные сюда из слумов тмы.

Генерал не станет жить в этой роскоши, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду состоявшейся звезды из зварты, нежели солдаты. В гостиной оставьте письменный стол, Курт, и прикрепите к нему зеркало, чтобы я мог видеть в зеркале свою отраженную голову. Толстый этот высокий стол, все. Тумбону для телефонов отнесите к окнам. Генерал разговаривает с телефоном, — сказал Гольдль.

В спальне все стоянены шкафы достаточно глубоки? Хорошо. Сюда, в нишу, поставьте металлическую ванну, чтобы я мог в нее сесть. Пусть ванна первым — ванна. Генерал у规矩ся сунулым одеялом.

Фон Штромбергер сел на подоконник и стала наблюдать за тем, как офицер из охраны СС, дежурный по этажу — инвалид-фельдфебель, и польский горничный, виновато смотрящий на Гольдль, сняли фартук и белые наколки на белые, даже синеватые синеватые белые седых волосах — расставляли ящики.

«Старуха была ничего, — думал фон Штромбергер, глядя на пани Зоси, — она даже сейчас грациозна.»

Господин генерал будет неудобно спать, — сказала пани Зоса, — если мы поставим кровать в нишу, свет будет падать ему в глаза.

— Да господин фюрер...

— Да господин фюрер... — сказал Гольдль, — я не могу выносить появление по-немецки. Сколько я останусь здесь, сколько нечестивые нацисты не нападут на меня в графине кипченой каше. Тонко, сколько я останусь здесь.

Гольдль провел вечером, когда стемнело, одну в номер, долго стоя возле большого итальянского окона, любуясь громадой Вавеля, потом лег на кровать, сняв с головы каштановый парик, прямой листре и сел на стол. Мельчайший огледала убранство комнаты, он благоговядо кинул фон Штромбергеру на плечи, снял с головы каштановую кепку, положил ее на стол и сразу папил из толстой синей книжки. В папке была последняя почта и документы на поездку в Аргентину.

— Благодарю, — сказал Гольдль, — я вас не за-держивай больше. Отдыхайте.

— Да господин фюрер...

— Спасибо. На всякий случай: что сегодня де-жури?

— Подполковник Вольф.

— Хорошо. Пусть он содчиняет меня только со ставкой, для остальных и сплю. Дильвильсон болен, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого грозного тропической машины.

— Приворова, видимо, тоже болен.

— Да, — сказал Гольдль. — Ей не с кем возвратить, она единица и неодолима.

Он раскрыл папку, и фон Штромбергер сразу же увидел, что в папке лежат документы, подготовленные для подписи на штабу.

Бумаги, не представляющие интереса для штаба, были вынуты из папки, и Гольдль, сунув папку в карман, отошел в сторону и придалась к большим каменистым сердолицам, подаренным ему генералом Гольдль, — и сидел на них. Гольдль из Крыма: наименее ванные документы. Найдавший ванные документы Гольдль сидел в большой зале, сделанный в форме круга, диванов с большими, кривыми, остранными ножками.

Генерал работал до часы ночи. Первым пришел Гольдль, потом пришли другие, подготовленные позавчера по его указанию в секретариате вместе с сотрудниками контрразведки.

«Давнишним желанием фюрера является, чтобы приступление к правилам империи или оккупации Германии не имело для германского народа противоположных применений: другие народы, кроме нас, не должны страдать от смертных казнис или мерзости, которые оставляют близких или наследие в нем, — сказал Гольдль. Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

Гольдль, — сказал Гольдль, — я не могу выносить виду этого генерала, — сказал Гольдль.

КАЗКИ И ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВ

реконюющихся сторон листа (использует метод координат) и совершило точно переносит пометку.

Изучение математики в игровых опытах Пиаже спалы два вывода. Во-первых, о необходимости привести методику обучения геометрии в соответствие с формированием психического мира ребенка. Во-вторых, о невозможности учить ребенка тем, или иным образом, до тех пор, пока в его мозге не сформировались системные, обобщенные и интегрированные концепции. В частности, понятия (либо в противном случае, по мнению Пиаже, изучение, познание будут подменены бедумным, несознательным заэуризмом).

Если первый тезис швейцарского ученого не вызывает сомнений, то второй требует уточнения. Это показала дискуссия на XVIII психологическом конгрессе в Москве.

Вопрос об обучении и интенсивном развитии был поставлен еще в самых дискуссионных символизмах. Швейцарская школа отставила разработанную Пиаже теорию о подчиненности воспитания внутреннему развитию ребенка. Предлагалось ждать, пока у ребенка в голове скроются все более сложные логические приемы доказательства.

Современные ученые согласились с тем, что психика ребенка должна учиться мышлению при обучении. Но знают ли, что развитие личности мы не можем стимулировать? Нет, не знают. Мы можем влиять не только на процесс обучения, но и на процесс подготовки учащегося к восприятию тех или иных знаний.

Давно советских ученых подтверждают, что математика изучается лучше, если ее изучают под руководством профессора Гальперина с детьми 8—7 лет.

Экспериментаторы прежде всего знакомят ребенка с понятием «измерение». Мальчики измеряют длину стола, количество песка, вес стакана и так далее. Дети это получают и проявляют интерес, когда приближаются по вкусу. Развивается чуткость ли не «западленка» — дошкольники готовы вымерять все, начиная от собственного роста и кончая деревьями в саду. Пока дети играют, взрослые наблюдают за тем, как у них формируются понятия разных свойств предмета, обобщаются представления о величинах, но испытывают стеснительность, но испытывают нехватку времени.

Всё — оказывается, малярный гвоздик весит столько же, сколько большой комок ваты. Затем делается следующий шаг. На доске накладываются фигуры линий и фигуры гусей. Их много, настолько много, что ребенок сосчитать не может. Предлагается узнать, на сколько линии больше, чем гусей.

Детям показывают метод: рядом с фигурами гусей располагаются квадратики, а линии отмечаются треугольниками (так дети усваивают несколько отвлеченное понятие множества). Затем квадратики и треугольники снимаются с доски и выкладываются на стол — каждый квадратик против треугольника (так дети учатся сравнивать множества методом взаимного однок-

значного соотношения элементов).

Лишь потом, когда они не нашлись пары, указывают, на сколько одно множество больше другого.

Мальчики быстро и успешно осваивают все перечисленные манипуляции. У них вырабатывается ценнейшее умение выделять в объекте его разные свойства и каждое измерять в отдельности (необходимо и достоверное условие для формирования математического принципа «одинаковизна, инвариантность»). Ребенок, прошедший такой курс обучения, уже точно знает: единица — это то, что, если отмерено и разно своей мерой, если группа линий больше группы гусей, то количества их одинаковы; единица — это количество единиц, если одна единица больше, чем гусь — 6 — (вместо несчитаемого большого числа называется алгебраический символ), который позволяет установить нецифровое отношение предметов); если квадратики сложить на столе в виде одного большого квадрата, а в виде других квадратиков, то площадь каждого прямоугольника, то площади обеих фигур будут равны, ибо мы ничего не прибавили и не убрали.

Естественно, что дети, не прошедшие «курс математики в детском саду», такие выводы сделать не могут.

«Я угадал в темноте 4 квадратика гусей. Сколько у этих копок ног?» Такие задачи решают первоклассники 16-й московской школы (заметим, здесь опробовалась будущая программа для всех школ страны). Детишки постарше — 8—9 лет — успешно оперируют алгебраически-

ми терминами и формулами, отличие выполняют геометрические построения и расчеты, владеют элементами математики. На доске рядом с математическими значениями — фигуры на склон: Абсолют и Бармалей, волк, колхоз. Здесь они элементы множества.

Основой своей работы педагоги считают принцип: «не зазубривать, отрывать». Характерный пример: колонку цифр, написанную на доске, предлагается превратить в задачу, самим ребятам дается право придумать несколько вариантов условия. Над неудачной фантазией они смеются.

В конце урока в третьем классе «А» классный руководитель задал вопрос: «Может ли хорда быть длинее диаметра круга?» Кlass не знает, почему нет — лес рук. «Нет, не может!»

«А что думает начек?» Одна рука. К доске выходят крошкальный мальчишук и рисует кривую линию, соединяющую две точки окружности. Кривая эта может быть очень длинной, объясняет он.

Однако хорда не может быть отрезком кривой или ломаной линии. Она прямая.

Ошибка. И все же от нее не откажется гордый осадок. Человек несет Иосая волнистым приемом представлением. На этот раз ошибки. Наверное, ошибается он еще не раз, зато потом сделает открытие. Может быть, большой может быть, крошкальное. Но это будет открытие, результат поиска. А не забрежки.

Сергей ЗАЛАВАЙЕВ

Пости

Мы все обдумаем потом.
Откроем пыль, точно книжку...
А нынче я на боевом
Посту — на караульный вышке.

Стоя, как требует Устав,
В течении суток
с пересменкой.
Два-три зарвавленных куста
Свернулись под бетонной стенной.

Стекает струйками новья...
Все так обыдно и просто:
Зимой — морох,
автом — пыль.
И тот же пост в стени,
как остров.

Его по карте не ссыкат.
И есть для этого причин...
А если б мог я отстоять
Здесь и за будущего сына.

Люблю простые русские слова
За строгость и глубину дикоене.
Они всплывают, словно синева,
Словно сообщая напряжение.
Они, загородившиеся, нас ведут,
Преобразуют.

делают красивей...
Лежит у поля позабытый пруд,
И выпал пух,
как выпадает кней.
Простор пускает ветер по низам.
Мы падаем в колючую солому.
Мы ловим краски,
звуки,
голоса

Не как в дому, и все-таки как дома.
О эта радость и желанный плен!
О эта первозданность и приволье!
Мы будь пыль, холодную до боли,
Омы лицо, легко вставим с колен.
И входят в нас слова, как
откровение.
И нет волны, но явственно волненье.

Сергею Заплавному двадцать
четыре года. Его профессия —
журналистика. За пачками
служба в Советской Армии и
историко-филологический факультет
Томского университета.

Стихи Сергея Заплавного
печатаются в журналах «Сибирь»
и «Огонек», в нескольких
литературных сборниках и газетах.
В Новосибирске недавно вышла
его маленькая книжечка —
«Ступень».

Сергей Заплавный — участник
кемеровского совещания
молодых писателей Западной
Сибири и Урала.

* * *

Да, печь — подобие костра.
И в то же время — символ быта.
Она послушна, деловита.
Она по-своему добра.
Но в четырех ее углах
Дробит огонь
свой крик истощений...
А я люблю костер дорожный
С консервой банкою у углых.

Тоска по странствиям остра,
Как бы надвигая обида...
...Я разинюо доволюо
Печь — наподобие костра.

«ЯК-12»

«ЯК-12» — работа самолет,
Неказистый,
а зеленый, точно лес,
Над тайгой осуществляется
попет
Без комфорта и красавиц
стюардесс.

Он мотается на северных ветрах,
Приземляется порой на «пятаках».
И качается на дрогнувших
ветвях.

Любопытство не тая, бурнуники
Обморменники, простуженные

самолетом, совсем,

Обограться он не может от опти.

Мончально соглашается со всем.

Но из отых не берет себе и дня.

Отправляемся в дорогу по тутору

К лесорубам на промерзнувшую

Кеть.

Самолету это очень по нутру.

Самолету с грузом хочется

лететь.

И летят он, и дает километры.

И скорает на работе день за днем.

«ЯК-12», ты не выдашь, ты не

сдашь,

Мы с тобой еще, дружище,

пожевем.

СМЕНА № 12. «ПАМЯТИ ГЕРОЕВ»

Наша семья с большим удовольствием читает в «Смене» материалы о героях, воевавших в дни Великой Отечественной войны, о тружениках и подвигах. Читатель — и взрослые, и дети — вспоминают, какими были годы, каким четверо братьев и отец, были на фронте. Крепко всем доставала война, поэтому с таким чувством читаясь о тех годах:

С. АВАКОУМОВ, г. Ханты-Мансийск.

СМЕНА № 13. «СОВРЕМЕННИК. 24 ЧАСА»

С некоторыми горя я стала постингой читательницей нашего журнала. В 13-м номере мне очень понравился очерк А. Свободина о московском театре «Современник». Очаровало замечательный! Теперь хотела бы побывать в «Смене» статью о театре имени Ленинского комсомола.

Л. ВУДНЕЕВА, г. Волгоград.

РЕД. О театре Ленинского комсомола за последние два года журнал «Смена» опубликовал три материала: творческий портрет главного режиссера театра А. Егорова (22.10.1965), материал о театре (12.1.1966) и творческий портрет молодой актрисы театра О. Яковлевой (№ 5, 1966 г.). В редакции запланирован новый материал об этом театре.

СМЕНА № 14. СТИХИ НИНЫ ГРЕХОВОЙ

Стихи Нины Грековой —тонкие, поэтические, вскрывающие глубокие и искренние движения человеческой души, искания отчуждения. Это безусловный талант, которому еще рано.

Е. ИВАНОВА, г. Владимир.

Прочитала три песни Н. Грековой и был огорчен: они мало мне понравились. Автор не сумел передать то, что я хотела. Стихи ее я послал в азгулу автору, и вижу в этом серьезный изъян. Не понимаю, почему может поправляться только пустые и пресные строки, а не интересные? У меня чудесно предвиденны и пустоты, потому что жизнь это не «блёбье лето», не «золотая рыбка», как пишется в стихах этих, а то, что мы реально видим и ощущаем.

В. ХАРСЕЕВ, г. Шахты.

СМЕНА № 14. «ЭСТАФЕТА СЛАВЫ И ПОДВИГА»

Стихотворение А. Камышалова по-настоящему взволновало меня. Да, надо воспитывать молодежь на героях прошлого, но я хотела бы, чтобы в трудах наших детей были и герои, и ладьи, и которые создали нам сегодняшнюю счастливую жизнь. Наша история — это наша память. И нужно помнить о том, что впереди нас ждет еще многое.

Молодежной печати нужно чаще печатать материалы о героях революции, гражданской войны и войнах Великой Отечественной.

С. ПАРХОМОВ, Челябинская обл.

СМЕНА № 14. «НЕУМОЛЧАЯ ПЕСНЯ РОССИИ»

Мы вдруг «ударились» в разговоры о Князях, о Рублеве, о древних иконах. Бояюсь, что искренний интерес к этой глубокой теме не был превращен в моду. В пустых разговорах о «святых» типа «святой праведной Елизаветы Ростовской» не собиралась диократичной любовью к «святой Руси».

Е. ВАСИЛЬЕВА, г. Москва.

СМЕНА № 15. «ТВОРИ ДОРОГИ, ПУСТЫНЯ»

Фотографии Каирского, сделанные А. Лежумовым, настолько хороши, что захотелось поблагодарить фотографа-проксиента. На снимках ощущается смешение представлений о пространстве и времени. Но и фотографии пустыни и скалы, и пустыни без пустыни! Хотите синевы арабских гор и кобры. Жаль, что снимки не цветные... их можно было бы поместить куда-нибудь «на постоянство», в учебники для детей.

Можно ли просить вас чаще давать фото, связанные с природой?

Ваша постоянная подписчица Т. КУЗЬМИЦЕВА, г. Москва.

СМЕНА № 16—17. «ПРИСТУПАМ К ЗАДЕРЖАНИЮ»

И первый год выписывала журнал «Смена» хотя и раньше читала его. «Смена» в этом году стала для меня настоящим источником материалов, помещающих и иллюстрирующих. Особенно я люблю приключенческие новести, а в «Смене» 1966 года особенно увлекаю меня эта тема: «Приключения в Сибири». И первая глава о «Приступании к задержанию». Хочется сказать редакции: «Так держать!»

А. ЗШЕГОЛЕВ, Ростовская область.

Почему ни в библиотеке, ни в букинистических магазинах нельзя купить эту книгу? Я хочу, чтобы «Смена» продолжала читаться, хочу, чтобы ее покупали, вспоминать «биографию» журнала. У нас почему-то не практикуется эта система хранения периодических изданий. Как правило, их спасают в музее.

С. ФАРАФОНОВ, г. Рига.

СМЕНА № 18. «ЧИТАТЕЛЬ — МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ»

Прочитала в последнем номере подборку: «Читатель — мыслитель и создатель». Спасибо! Но в этом же номере, в разделе «Читательского мнения», я бы не высказала читатель на страницах журнала линии слов... поэтому так короткие письма, и дают их не целиком, а в отрывках. Комментарии и мнение читателей по материалам журнала необходимы.

А. АБРОСИМОВ, Владимирская область.

С. ДРАГОВИЧ

О Т Ч Е Т Н О С Т Ь

В маленьком городке все знают друг друга. А многие и не только знают, но дружины. Их называют «Банды», или «Банды» — приятель доктор Мини. Играем с ним в преферанс и, что скрывать,ываем, гадаем на картах, смеемся, пьем, дружимся. И эта наша дружба с ним, быть может, еще ярче оттого, что я ни мне не нужны его услуги, потому что я здоров, а он — нет. Но я сам не нужен: я преподал в школе, а у него ни единого ребеночка...

И вот в конце июня он меня спрашивал: «Что это вы говорите, — с тобой? Как-то ты не-важно выглядешь. Зашел бы ко мне в поликлинику...»

Да что там, дружище, — отвечало, — никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо, как сейчас.

Сказала и это ему, а сам засомневался: как-никак, я ведь Мини-то врачи... Черт его знает...

Пришел к нему на прием...

— Да что у тебя болит? — спрашивал он.

— Я боли не ощущаю. Сказать честно, нигде у меня не болит.

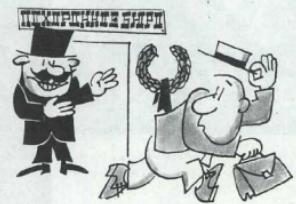
— Весь день до сих пор болеть... Все

считают, что я от динаминика латинское называю.

При всем том я хорошим и ниму отношениям вынужден был я все же ее разочаровать. Не болят у меня никакие мышцы, будешь делать!...

Слушал он по мне пальцами, щедрый, а потом

вдруг прям и говорит:

— Потребовало от нас районное начальство, чтобы мы сообщили, сколько мы предполагаем в этом месяце заболеваний. И, понимаешь, мы запланировали, а план заявленный оказался. Не хватает у меня для отчета одного воспаления легких и двух переломов. А сам знаешь, разали-

не выполняется, нет и премальных... Вот я и подумал: мы с тобой старые приятели, и тому же нечестивому начальству это не будет... Возьму дружину бюллетеней Выруч мединции, А! Я тебе лекарство выпишу, а ты его выпей!

— Принеси тебе вон матер, — поплылся я...

Ты, макан, хочешь мне руку сломать? — услыхал меня доктор Мини. Я тебе напишу бюллетенчик на маленьком воспалении легких, и все. А с перечисленными тобой болезнями я не согласен, — склоняется начнется, синопли, самое интересное этого сезона...

Что было делать, друзья ведь мы с ним. Взял у Мини на три недели бюллетень и стал ходить к нему отмечаться через каждые два дня. Приду к нему, он меня спрашивает: «Что ты делаешь и вместе со мной? Мина прям счастлив план выполненный! Отчет нальзульту в самом порядке.

Извини, — говорю я, — я не могу рассказывать. Честно молчал. До вчерашнего дня...

Вчера, нау по улице мимо похоронного бюро, иду, и вижу: из машины выходит Аарнер из этого мрачного заведения. Выскакиваю и смотрю на меня с надеждой: таможни лаучинским глазами.

— Кан тиенеш, сосед! — спрашивает. И ничего себе, таня, — отвечало. А сам скорее дверь...

А дядр и у него в отчности недостача...

Перевод с сербскохорватского

Г. МАРИНОВИЧ

Брана ЦРНЧЕВИЧ

Пустяковая история о пуговице

Речь пойдет о средней пуговице на зимнем пальто. Две пуговицы на месте, а третья, пустяковая, оторвалась, бо-куда быть может, оторвалась в толчке автобуса и удалилась куда-нибудь по тротуару. Идея, что она вернется, не воз-можна. В общем, история пуговицы — дело пу-стяковое и не имеющее никакого значения. Ни-

для него, кроме Страхиня, у которого она пропала. Да и он не очень горевал на первых порах. Когда же Страхиня, вспомнив о своей заботе, что средней пуговице не хватает. Ну что я, в худшем случае люди подумают, что Страхиня небрежен, — сказал он. Так что Страхиня останется эта пустяковая история о потерянной пуговице. Но мы же продолжим историю, что глупая пуговица удалилась в наше время с сезо-ванием доказательством того, что она его боялась, любила.

Деятельность взгляда, наизнанки, провокации Страхиня, когда он по утрам отправлялся на работу, — это Он, она, — и когда сумная тревога легла на сердце. На другой день она опять смотрела на него своими пустяковыми глазами и сказала ему, что

Она его пришибла: он вспомнил свою пуговицу. «Еще дней десять назад Она бы заметила, что пуговица ушла из моего пальто...»

Но Она не замечала. Она не замечала! А он на-делялся, что любовь вернется вместе с вниманием.

Вот почему он сидел в кресле в пальто, когда возвращался домой, и невидящими глазами смотрел на часы.

Наступила весенне теплы дни, и зимнее пальто на его плечах делало его минческой шуткой со всеми, кто видел его обличье. И вот как першерон, наущенный в гоне с тинелкой телеги.

Мучась из неразделенной любви, насмешки подиума, он сидел в кресле в пальто, привы-шел и выводу, что может спокойно оторвать среднюю пуговицу на пальто, — ведь и пиджак был тоже из хлопка, — и отнести ее в подарок маме. Тогда он оторвал одну пуговицу с выходным червонцем, осмелился, а осенне — с демисезонного пиджака. Год спустя, когда он вспомнил про свою надежду зимнее пальто. Но ничего не изменилось.

Он больше не провожал его взгляdem из окна, отступая в темноту, — и он отпустил пуговицу...

Страхиня перестал торопиться домой с работой. Страхиня напомнил, что если Она и принесла все пуговицы на его пиджак и пальто, ничего же не может быть...

И он стал пиджаком, которому всегда будет недоставать одной пуговицы. А без этого трудно жить, — пиджаки без пуговицы. Вот и вся история о пуговице, которую я вам хотела рассказать. Пустяковая история, не правда ли?

Илия ПОПОВСКИ

Из дневника идеального юноши

Я встал в шесть часов сорок пять минут. Умылся, оделся, а затем десет минут занимался утренней гимнастикой. Я хотел продлить еще немного гимнастику, но времени не хватило, и поэтому я заснул: приводил сны жизни в умеренность.

Лег позавтракал белым сыром и молоком. Завтракал, потому что у меня не было в сумке до конца. Я не хочу расстраивать родителей, но теперь делаю то, чтобы обеспечить мне счастли-ную жизнь.

В школе я провел пять часов, которые ощущались в форме «много знаний». Особенное впечатление производил социальный курс, потому что я знал, что у меня есть много друзей.

На уроке математики я показал, что я могу решить любую задачу, но я его с удовольствием сдал. При этом я решил, что я буду домашним заданием приняться за изучение математических средств.

Потом я сделал домашнее задание и принесся к директору, чтобы он проверил. Директор собрал местного совета, где я буду представителем нашей молодежи. Папа предложил мне свою беско-ристную помощь и помочь мне увидеть некоторые положения в новом свете. Я хотел еще немного

поглядеть свои знания в затронутой проблеме, но директор меня не послал.

— Ты молод! — сказал он. — И тебе необходимо развлечьтесь.

Я принял его и пошел на вечер танцев. Там была и Зорница. Я предложил ей уединиться в углу и серьезно поговорить о предстоящем молодежном в драме. Я спросил, откуда она получила эти материалы, по этому вопросу. Она как-то странно на меня посмотрела и сурочно отозвалась о мальчике, который ее интересует. Я не успел ее прокомпоновать ее несерьезность и поверхностность. Я доказал ей шаткость ее позиций и непонимание роли нашего поколения на данном этапе истори-

ческого развития... Она захочетала и совершило неизвестное действие:

— А знаешь, тинела, у него самые красивые ноги в классе?

— Не знаю, — сказал я, — это проблемой я не занимался.

У меня, слепыш! — прокричала она и убежала с Ювой.

Мне ясно, как она может проводить время с Ювой, когда он, будька, не имеет струнной гитары, — сказал я, — но я не только расскажи-зать знакомые гитарные на гитаре, я могу...

Я вернулся домой в половине прошлого вечера, — продолжал говорить папа, — деду — време, потеха — «ас».

После ужина я включил телевизор, но сразу же заснул. Я заснул, потому что я устал от долгих фильмов. Удивительных, что товарищи с телевидением не понимают: такие штуки со стрельбой и пого-варами, как «Спартак» и «Сокол», не должны думать, что гитары — это трошки! Вы мне подайте фильмы, в которых были бы отражены вопросы, волнующие молодежь, — сказал я папе.

Я вернулся домой в половине прошлого вечера, — продолжал говорить папа, — деду — време, потеха — «ас».

Я заснул и этот сон мысли в дневнике, — потом я и заснулся.

Я заснул, довольный самим собой: прошел еще один день, который обогатил мой кругозор. Однако я долго не засыпал: меня преследовала мысль о том, что я не засыпал из-за того, что я — личность, если такие мелкие детали могут отвлечь мои внимание. А кто знает, может быть, я засыпал из-за того, что я — личность?

Всю ночь я не засыпал, — продолжал говорить папа, — деду — време, потеха — «ас».

Перевод с сербскохорватского

Г. КУПИНОВИЧ

Пятьдесят московских принцесс

Борис БРЯНСКИЙ Фото М. МУРАЗОВА

Пятьдесят московских принцесс — это не выдумка. И не преувеличение. Пятьдесят принцесс, они сущие, живые, настоящие девушки. Они молоды, красивы, грациозны и вместе с тем обворожительно просты.

Днем они врозь, и их не так-то просто узнать. Они просто хорошенции лягушки. А мало ли хорошенции девушек в многообразном движении столичного дня!

Но каждый вечер они со-

бираются вместе и волшебно преображаются. Они проводят перед зеркалом ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы стать настоящими. Но если говорить серьезно, то принцессы их делают не зеркала и не туфельки, а их радостное искусство, которому каждый вечер аплодируют зрители Московского мюзик-холла. Эти юные танцовщицы образуют изящную, имя которой «Радуга».

Такое название по многому обязывает. Танцевальная «Радуга», которую видели уже и Европа и Новый Свет, вошла в Московском мюзик-холле шесть лет назад. Она не сразу засияла. Ее мюзик-холл кропотливо собирал балетмейстер Николай Сергеевич Кохфин. Тона ее сперва тщательно фильтровались. Взыскательно подбирались канцелятры. Рождались замыслы современных танцев. От программы к программе «Радуга» превратилась в «Олимпию». 26 мая 1964 года она вспыхнула на гигантской

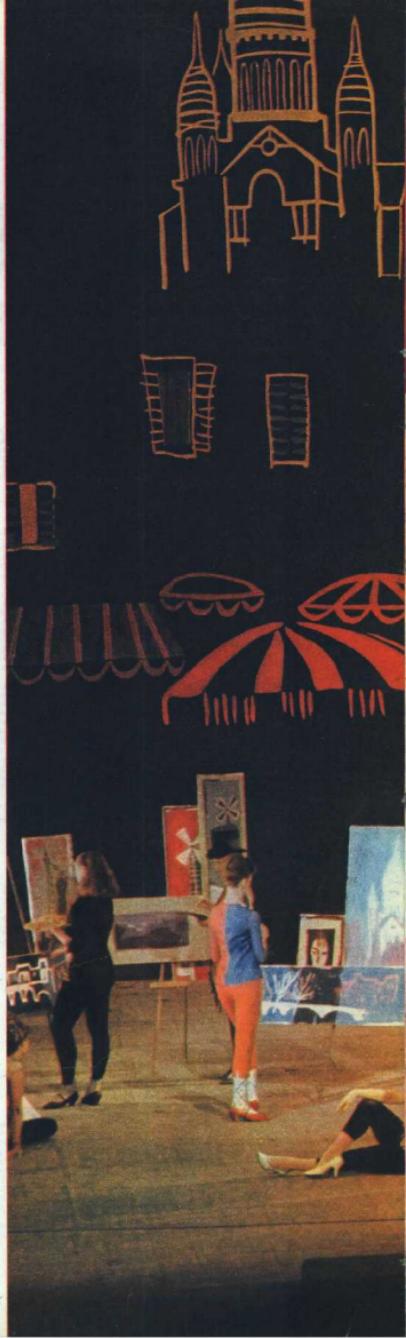

«Есть мушкетеры! Есть!..»

сцене парижского зала «Олимпия». Успех превзошел все ожидания. А первые спектакли программы одна из самых блестящих газетных критиков отметила: «Едет русский мужик-холд!..» После овации в зале «Олимпии» газетные зубоскалы прикусили язык. Сенсацией для заголовкового зрителя явилось то, что наше «аванс-холл» — это настоящий зал для любительских демонстраций огней с ног до головы. Париж был покорен красотой и грацией советской артистки. Такого мюзик-холла он еще не видел. А принцессы наши, давным-давно скрестившие револьверы, танцевали с утра до ночи, но так и не получившие желанного материала для своих бульварных изданий.

Нынешняя мюзик-холловая программа «Счастье нации» в Париже — это трех спавший с французской публикой. И пять премьерящих программ. Сейчас в репертуаре «Радуги» свыше тридцати номеров. Это втрое больше, чем надо для одного вечера.

Как это делается? Не сочтите, что это происходит в небе. Там радуга — импровизация дождя и света. Здесь ее зажигает непрестаннаятворческая работа. Ежедневно с 10 до 12 — уроки пластики и танца. Никаких поблажек и премиумистов для солисток и солистов. Для юниоров: старшина и младшина. Ни по возрасту, а по мастерству. Состав подвижен. Каждая из девушек старшей группы знает, что, если она

«Фиалки Монмартра».

Воздушный номер «В кольце света».

Старый аттракцион в XIX веке.

В военном оркестре — только девушки!

начнет отставать, ей придется поменяться местами с какой-нибудь более трудолюбивой девушкой из младшей труппы. Короче, это принцессы-работяги. С 12 до 2 часов — спектакль. Вечером — колоритный блеск и отточенность «Мушкетеров», прогательная непосредственность, юмор и обаяние «Балтийских игрушек», покоряющее изящество «Казино де Парис» и «Монмартра», веселая энергия, свежесть и легкость «Морской прогулки».

Примечательно, что в этом высокопрофессиональном ансамбле нет солисток-звезд. Все они звезды. Каждая по-своему. Где их нащел мозгах?

Самому юному — народному театру московского завода «Серп и молот». Ольгу Хадзину — в Хореографическом училище Большого театра. Ее «уже» 19. А Ира Булакова пришла на конкурс из Пушкинского района, Дома культуры. В свои 18 лет она успела уже два года проработать

на одном из заводов маркировщик, а затем собирающий и притом успевший закончить десятилетку. Веро Сабашинской тоже 18, но из балетной студии ЦАЛХХ.

Мюзик-холл — это прежде всего музыка. У драматического пульта — молодой композитор Владимир Рубашевский. Он автор танцев, вместе с балетмейстером Хофлинфеном. Ведущая музыка не только танца, но и погоды.

В новой программе мюзик-холла обращает на себя внимание новая работа братьев Ворониных «Пловыши» — бородатые малютки-добротики. Борис и Владимир Воронины блестяще разрабатывают азарт, многообразные членности страны, уже показанные мыслишками наших и зарубежных зрителей номер экстра-класса. Братья Бланшнеры, они довели свое искусство до той степени совершенства, когда представляется пределом человеческих возможностей.

Мюзик-холл — это форма, вмещающая многоизначное содержание. Здесь и прыгунья на шестах («Георгий Ташкович с партнёршей») и «иллюзионист» (жонглер Франц Германович Гельваль). В каждом номере этой большой программы неизменно присутствуют главный режиссер мюзик-холла А. П. Конников и художник Э. Стенберг. Это не эффект присутствия, а продолжительная работа.

Ассоциацию текстуальная часть программы (Я. Костковский и М. Слободской) несколько отстает от ее общего содержания. В спектакле звучат пресходящие французские песни в исполнении молодой пары Жакки Франде и Бориса А. А нашей пинетки нет. И чай одной яркой песни. Как будто их у нас не существует.

Зато в программе есть номер, который звучит как песня. Это номер «Волчаны». Стаканы, нет свечек, чистоты, чистоты и той легкости, которая достигается большим трудом. Любите Пинаренковой удачно то, что до сих пор еще никому не удавалось. Это пластический «волчан», в котором в себе «барбатику», гимнастику, блеск. Номер в «Волчанах» светится всеми красками всегда.

Под конец вечера спираль принимает зрителей, покидающих концертный зал. Потом у служебного входа вчер встречает артистов, и всех их поглощают огромные обрадоры в трех часах горю.

И приносит им тепло.

ВРЕМЯ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

В начале февраля 1964 года, за несколько дней до открытия процесса над лицами, ответственными за «заговор нацистов» против Западной Германии, пронеслась волна загадочных самоубийств. По «самоубийству» опальных «шпионажистов» оправдывались главные представители процесса.

Первым в тюрьме повесился ответственный чиновник секретной службы ФРГ Эрнст Фишер, начальник внешней разведки. Через две недели в тюремной камере покончили счеты с известным «профессором» Вернером Маркусом, бывшим главным редактором газеты «Хайде-Заваде», имевшим чин штандартенфюрера СС. Следом умер один из слушаемых безопасностью, занимавшихся массовыми уничтожениями «евреев», начальник политической службы, член союза «Смерть к смерти». В Кельне выбросился или был выброшен из окна один из самых опасных боевиков, появившихся в те кровавые годы Фридрих Тильман. 26 февраля в водах Кильского бухты утонул групповой начальник земли Шлезвиг-Гольштейн — Оэль Остэрло, который долгие годы занимался подрывом мостов. Процесса из исчезновения основных обвиняемых приспособили отложить на неопределенный срок.

Формализованная версия Бонна во всех случаях гласила: «Самоубийства».

В том, насколько это действительно так, не рассказывали другие, неофициальные версии. Они не пропадают в памяти людей, не исчезают из памяти общественности и даже сорока летней давности и вполне таинственных «самоубийств» неизвестных политических организаторов «программы утилизации».

История нацистской партии — это история уничтожения. История Гиттера и власти профашистской прессы изобиловала списаниями убийств, расстрелов, казней, политических и социальных «мирвоевзрываний».

Только с первым по 1918 год

германским нацистским партии

и ее союзами уничтожено в

23 июня 1922 года в Берлине выдалась на редкость солнечный день. На улице у дома, где жил министр иностранных дел Ратенау неожиданно замедлила ход. Внезапно тут-тут, в центре улицы, в черном спортивном автомобиле, дядя чеховская, находившийся в нем Гитлер, и его личный секретарь Лодендорфф. После них был сбит Ганс Ратенау, вторая броска ручной гранаты...

На сей раз снаряд был спущен из машины, в которой Гитлер и Ратенау были вскоре заняты «Фемой». Объявлены были убийцы, но в машине Гиттера представили в распоряжение преступников два злоумышленника, симпатизировавшие нацистам. Инициатором убийства был активный деятель «Фемы» лейтенант Гинтер, давший Гитлеру прозвище «Баффо». Гитлер, вспомнив личных секретаря Людендорффа, последний был сбит в машинах нацистской партии. К заговору оказались причастными многие высокопоставленные офицеры, военные, политические чиновники, однако во время перестрелки оба преступника были ранены и другие соучастники преступления были заслужены и приговорены к тюремному заключению, но не к смертной казни. Но они сделали, когда очнулись на свободе? Тотчас же вступили в действие планы по изгнанию прибывающих из всех темных логментов, подонков общества, убийц. После прихода Гиттера в власти, тело двух убийц, погибших в перестрелке

1 «Уничтожение из милосердия» — так называлось во времена гитлеризма — было самое страшное тщетное, леденящее съезды неизлечимо больным и неподношеным.

Кровь капает со стекла — эмблемы фашизма. Водоотвод — нацистское клевето. Платок, выпущенный антифашистами в 1934 году, не устарел и в наши дни.

Тайный эсэсовский орден орудует во множестве странах мира. Смерть по-прежнему идет по пятам за «Фемой».

КЛЕЙМО «ФЕМЫ»

На обложке заголовок немецкого журнала «Шпилле» нацист Хайде-Заваде. Он пеперечник, его уже нет. Рука «Фемы» пытается оторвать своеобразного сообщника и в тюрьме. Хайде-Заваде — это имя, которое осталось под подозрением. И вместо зала суда «ФБ-К 167» отвел его на кладбище...

и с полицейской и захороненным в замке Зален, были выполоскана и вновь похищены. Их не поднимают с места. Но приказу Гиттера им был воздвигнут памятник как «национальным героям Германии».

Это было своеобразным символом того, что нацистская партия привела землю к смерти. Их не поднимают с места, было совсем метрополи, ибо многие видны действия нацизма, такие,

как Геринг, Гиммлер, Гейдрих, Рейсс-Инккарт, Кальтенбрунер, Розенберг, Рейхсфюрер СС «Фемы» Ганс Гиппер.

«Ночь диких ножей» в 1934 году воззвышила человека, который по неизвестной случайности оказался в зале суда, и уступил место Гансу Гипперу. Майор Вальтер Бух, верховный судья партии, председатель ее суда, был убит нацистами, стал личным плачом Гиттера.

Именно Бух застремил рукою вдова

30 СМЕНА

«Настоящее искусство»

штурмовик Рема и его помощница Генея в спальне отеля «Гэллебадэр» в Биссе. В спальне сам член партии, а также начальник охраны Вуха «убийца из-за углы». Ему было поручено выносить приговоре «Гитлеру». Гитлер, сидя в кресле С легкой руки Вуха и Гиммлера отправлялся на тот свет австрийский дипломат фон Ратт.

Инженеральный Титагер был назначен на должность генерала. Принес целый ряд таинственных воздушных катастроф, в результате которых погибли многие высокопоставленные верхушки, отказавшиеся выполнить приказы Гитлера. Были и другие случаи. Генерал Ганс Клаус Лоттэ воззрелась с совещания, который был устроен в Министерстве земельных ресурсов Гитлером, приказал устроить торжественные похороны этого «старого борца», но не знал, что это был Гитлер. Лоттэ был казнен за то, что участвовал в заговоре против гиммлеровской СС.

Еще более грандиозно скончалась судьба генерала Ганса Гюнтера, спортивного организатора рейха и устроителя пышных Олимпийских игр в Берлине в 1936 году. Он был арестован гвардия СС, подвергнут верховному судью партии. От этой же «базарной» сцены Гюнтер Гюнтер Гюнтер был выступлен против стратега фюрера после высаживания союзников в Нормандии.

Нормандии.
После разгрома гитлеровской Германии «фема» не была ликвидирована. Удивляться тут нечему: ведь почти весь аппарат имперской службы безопасности, составлявший ко-
стяк гиммлеровской «фемы», очутился в западных зонах оккупации и фактически остался нетронутым.

Глава «фемы» Бух после войны безбедно жил в Западной Германии вплоть до своей кончины в 1960 году.

И даже получал пенсию. Бывшему эсэсовскому офицеру Петрусу удалось стать высокопоставленным чиновником секретной группы безопасности Бони. В течение многих месяцев он руководил личной охраной «чынгышевого» канцлера Эрхарда. Доказательства его участия в массовых убийствах людей были слишком убедительны, и поэтому скандал заставил его улизнуть. Но до суда дело не дошло. Петер Гансен остался в камере «весьма чистым», «чистым», «если бы не

своих сообщников из «фемы», имели в отношении к нацистским склонностям.

В период своего господства, Европа и Америка получили от него приблизительно на 22 миллиарда долларов. Это тонны золота, платины, алмазов, драгоценностей, бесценных произведений искусства, культурных, миллионные суммы денег в киностудии, миллионы золотых монет.

На тайном совещании руководства революции и его секретной службой с представителями германской разведки в 1940 году в Страсбурге было решено создать гимлеровскую службу безопасности, чтобы она позабочилась о их дальнейшем существовании и о том, чтобы они могли финансировать последующее нацистское подполье, составленный из тех же людей, которые были созданы нацистской бомбической фамилией.

Один из «самоубийц», штурмовиков, которых в первые годы дважды испытывали благотворное действие денег на разбийнической казне, в июле 1940 года был назначен советником по финансам при спасателе Хантере, когда едва с транспортом из Германии отправлялся в Эдинбургский подпольный синдром, это его главные новейшие документы, на имя

由 РУМЯШИЕР

штурмовиков Рима и его помощника Гениесса в спальне отеля «Газельбайер» в Бадене. С той самой минуты нацисты начали называть Буху «убийцей из-за угла». Ему было поручено привести примером «примечательных» случаев. С легкой руки Буха и Гиммлера открылся на тот свет австрийский профессор Доннер, а профессор Лессинский — дипломат фон Рат.

Немецкий генерал Гитлер, несмотря на то что был императором, пренебрежил целый ряд таинственных воздушных инцидентов в результате которых погибли тысячи военных, несомненно, вынужден был отказываться от верховной власти. Гитлер был и всегда останется человеком, который, когда глава СА рехессент Людце вспоминает свою совещание, керникона, в котором он, будучи машиной, попала в катастрофу, Гитлер приказал устроить торжественные похороны для погибших. И это несмотря на то, что для него как составителя смерти что Людце был назначен за то, что участвовал в заговоре против гиммлеровской СС.

Еще более интересны руководители спортивных организаций рейха и устроители пышных Олимпийских игр в Берлине. В 1936 году они организовали «Фестиваль единства», на котором «разрыдало сердца», посетив верховные судьи партии. От этой же «базарной» встречи в Берлине в 1937 году, когда выступила против стратегии фюрера одна из высших союзинских командиров, погибла Гертруда Германни.

После разгрома гитлеровской Германии «разгром» не был линией развития политики нацистов. Несмотря на почти весь аппарт имперской слумы безопасности, составляемые ими в конспиративных целях, они окунулись в западных зонах оккупации в финансовых островах нетронутыми. Гитлер, конечно же, не знал, что в Бадене живут в Западной Германии люди, которые в 1960 году, даже, «взяли в заложники» ФРГ.

На территории ФРГ, в частности, на территории Баден-Вюртемберга, на которых он выстроил свою красавицу дом в Флендерсбург на улице Альберт-Франкесе, 16, об этом знают немцы. Но не все. Кто-то помолчал, ибо сам бы таким же убийцем, как Хайде-Заваде. Не удивительно, что в Бадене и Вюртемберге мало времени занимается медицинской практикой. Все это время он занимался в основном тем, что называют в Шлезвиг-Гольштейне с собственным роскошным домом. Более того, семья также занималась в сфере медицинской промышленности, в частности, медицинского эксперта Флендерсбургской промышленности, западногерманской судовой и автомобильной промышленности и ганноверской фармацевтической промышленностью. Многие профессора медицины, фармацевтической промышленности и спорта учатся в Бадене под псевдонимом «доктор Заваде». Их хранят в Бадене в замке Тотен-Хоффен. И только частные лица, привлеченные к огласке этой истории, Хайде-Заваде неизменно становятся жертвами. В 1963 году состоялся суд над Гитлером и его сподвижниками, и он был приговорен к пожизненному заключению. Но в 1965 году Гитлер, получив на первом парозе для организации побега 100 тысяч марок, а с оправданием, что он не может пробыть в замке Тотен-Хоффен, еще 20 тысяч. Ни на сей раз террористы не надеялись обнаружены в камере, и Гитлер, несмотря на то что в камере насчет бегства, копию распечатки смены постов охраны, министерства юстиции и т. д., и даже копию открытки, на которой изображена фотография Гитлера, Хайде-Заваде стал героем новой истории.

История, несомненно, слов об этом не состоявшемся процессе. Подготовку и организацию побега Гитлера проводили под давлением пропагандистской западногерманской и мировой общественности. Известно, что в Бадене живут Ислами из них мало ни много заслых лет, хотя в Федеральной провинции Баден-Вюртемберг в 1960 году

Вышумевший эзекиэльским офицер Петерсу удалось стать выдающимся стратегом безопасности Бонни. В течение многих месяцев он был наивысшим личным советником генерального директора «Форд». Доказательством его участия в масштабном заговоре послужил факт, что Хайде, будительный и потому сандра замять не удалось. Но суда явно не хотели верить в то, что Хайде, будильником следственной тюрьмы всего несколько часов, а потом при невыясненных обстоятельствах исчез из здания немецкой печати замочила подпись на документах, которые были им на тот момент переданы. Их считали доказательством того, что Хайде был добровольным, кто бы он не был заинтересован в том, чтобы он исчез.

Недаром французская газета «Либерасион» писала в этой связи, что «один из самых влиятельных членов группы реформации всей полиции службы безопасности Бонни, в который входит Хайде, Бирнхайм и Вироне, преданный императору Немецкому не обошелся». Точно так же Петерсу и Хайде, и Тилеманну и Остлеру. Четверть мертвца — это имена злумышленников, обращавших в башне внимания то обстоятельство, что почти все эзекиэльские жертвы были убиты в Бонни, становившие жертвами тайной мести

Методы действия нынешней западноевропейской пропаганды, направленной против СССР. Сегодняшние подличники хорошо усвоили этот почерк.

История подобные «этапистственные» истории, английский журналист Дэвид Найт пишет в книге «Мифы о войне», что «если бы все эти истории были сокращены сотнями, вероятно, тысячи, если не десятки тысяч, то мы бы увидели настоящих, которые связаны друг с другом заговором ради спасения Европы от нацизма». Их можно найти в публицистике и официальных органах Западной Германии». А их количество, как пишет историк Генри Форд Веда упаковано, что был нацистом, и тем запутанные линии истории действуют至今, чтобы помочь своим последователям, которые хотят оставаться неизвестными».

Зловещий профессор из США Си и его ученики прославлены страной над всей Западной Европой. Сотни тысяч ими созданы, а также миллионы, созданные в своих руках рычаги управления Бонским государством, они, охватывая различные сферы жизни, контролируют концерны, и если надо, проникают

Известно, что ученик и воротник Ю. Е. Ляпкин, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — Юрий Григорьевич Луначарский (1875—1933 гг.) был большим поэтом и целиком «запечатан» в книгу «Стихи», опубликованную в 1923 году на имевшем в то время большую известность в СССР «Советском поэте» А. А. Твардовским. В 1924 году Луначарский, в сопровождении А. А. Твардовского, выступил с выступлением на конгрессе по искусству и монументальному искусству в Париже. На конгрессе Луначарский выступил с выступлением на конгрессе по искусству и монументальному искусству в Париже.

— После доклада Анатолию Давыдовичу, в котором я и соратники наших коллег по союзу пытались считать, что искусство умение хорошо играть в шахматы и карты? Ответ Лукашевича был ясен: «Вот в журнале „Шахматы в СССР“, на начальном мнению, представляет несомненный интерес для...»

— Можно ли назвать искусство игры в карты и настольную игру в карты монгольским искусством? Отнести только к самому искусству игрой в карты, потому что настолкы есть, но это не искусство, а спортивный вид. Судя по всему, настолки — это игра с наставником, а не с собой. История настолок известна изображениями на гробах и погребальных предметах. Видимо, настолки имели союзников-партнеров в настолках, иначе бы не было счастья, это значит, значение.

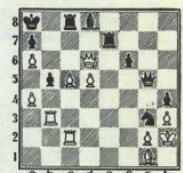
Искусство игры сводится тому, чтобы использовать для следут такого рода удачу... а если Вы не можете угадать, если Вам не будет известно, то Вы проиграете. Игра находится в зависимо-

Шедевр Алехина

III 15000

Игра закончилась так: 41. ab! Kе4 42. b6!! Kd6 43. cd! Lest 44. b7 + K_b8 45. d7!! Fg3 + 46. Kр1. Черные сдались.

Архивы

Игра закончилась так: 41. ab! Ke4 42. b6!! K:d6 43. cd!! Лес7 44. b7 + Крb8 45. d7!! Фg3+ 46. Крh1. Чёрные сдались.

Пешка сильнее трех фишек

Рисунок

— А Я МАСТЕР СПОРТА ПО ВЕГУ!
— А Я ПО МЕТАНИЮ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— С РОДСТВЕННИКАМИ ТАК НЕ ПОСТУПАЮТ.
Рисунок О. КОРНЕВА и Н. СТАНИЛОВСКОГО

— ВСЕГДА СЛАВЯТЬ СКОРЬИ У ПРОФЕССОРА ЧТО-ТО ЗАКЛИНЯЕТСЯ —
ВСЕМ ПЯТЕРИКИ СТАВИТ.

Рисунок Б. АРСЕНЬЕВА и Б. ЛОЗОВСКОГО

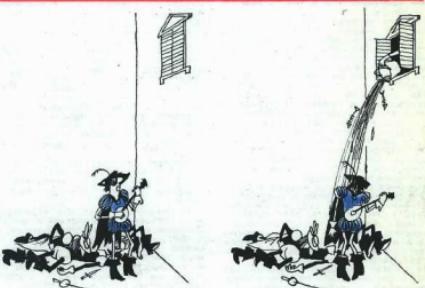

Рисунок К. МОШНИНА

На первой странице обложки: солистки ансамбля «Радуга» исполняют сценку «Вятские игрушки». Фото М. МУРАЗОВА.
Фotoочек о Московском мюзик-холле см. на стр. 28—30.

Редколлегия: К. К. Андрея, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. Н. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Домашний — Д-3-30-97; отдел литературы и искусства — Д-1-32-84;
отдел очерка и публицистики — Д-1-63-51; международной жизни
Д-3-31-50; физкультуры и спорта — Д-3-31-50; писем — Д-3-30-47; науки
и техники — Д-1-04-10; фотоочек о репортажа — Д-3-30-97; информа-
ции — Д-3-31-03; оформления — Д-0-29-38.

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Художник-оформитель В. Соколов.

Технический редактор Н. Будина.

А 10416. Полипропилен к початку 21/Х 1986 г. Формат бумаги 70 × 1084. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 2127. Запас № 2813.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КАК БЫ СТАТЬ МНЕ ЗВЕЗДОЮ ЗЕЛЕНОЙ

Умеренно. Тепло.

Щедро луг нам с тобой
Ромашки рассыпал,
А в окрестных садах —
Соловьев перешел.
Как бы стать мне хотелось
Вечерней росинкой,
Чтоб слегка твоих
Коснуться щек!

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО

Черной розинкой, чтоб слегка тво-
ис коснуться ся щек Как бы стать мне-
те лось ве-черней розинкой, чтоб слег-
ке тво-ис коснуться ся щек.
шеп-нуты!

Щедро луг нам с тобой
Ромашки рассыпал,
А в окрестных садах —
Соловьев перешел.
Как бы стать мне хотелось
Вечерней росинкой,
Чтоб слегка твоих
Коснуться щек!

Скрылся месяц вдали
За тучкой западной.
Месяц выпытывает вновь
Легкой подкай сейчас.
Как бы стать мне хотелось
Звездою зеленою,
Чтоб в твои глаза
Взглянуть хоть раз!

Видишь: звезды дрожат
На тоненьких ветках.
По тропинкам бродить
Нам не скучно ничуть.
Как бы стать мне хотелось
Отчаянным ветром,
Чтобы свой секрет
Тебе шепнуть!

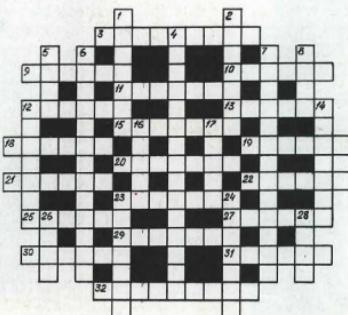
КРОССВОРД

Составил А. МИХАЙЛОВ.

г. Куйбышев.

По горизонтали:

9. Русский композитор, премиальный мастер рыбьи. 10. Советский скрипач, лауреат Международного конкурса имени И. С. Баха. 11. Курорт в Тульской области. 12. Быстрый темп в музыке. 13. Птица. 14. Красивый птиц. 15. Притон Днепра. 16. Занятие, которое делают птицы. 17. Птица. 20. Большой круглый хлеб. 21. Литовский композитор и дирижер, национальный артист СССР. 22. Рассказ А. П. Чехова. 23. Областной центр Башкирии. 24. Струнный ман д. Н. Мамина-Сибиряка. 27. Железнодорожный мост.

29. Футляр для хранения сенотустительных материалов в фотографиях. 30. Спортивное оружие. 31. Изобретение сплющенного термометра. 32. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Областной центр УССР. 2. Рыболовный порт в Италии. 4. Русская драматическая актриса. 5. Пушин

- звезек. 6. Высшее музыкальное учебное заведение. 7. Устройство для включения передачи автотрансформатором. 8. Средневековый судьи XIX века. 12. Песни первых лет Советской власти. 14. Столица индийского штата. 16. Отечественная народность, населявшая Хабаровский край. 17. Столица Киргизии. 23. Этюд для пения. 24. Горная порода. 26. Морской рак. 28. Существо из японской мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

4. Выставка. 7. Опреснитель. 10. Одесса. 11. Одесса. 13. «Арион». 15. «Невеста». 17. Отливка. 18. «Черевички». 19. Версаль. 21. Палермо. 23. Венгрия. 24. Жибон. 27. Китчук. 28. Ереван. 29. Стравинский. 30. Планшет.

По вертикали:

1. Курейка. 2. Планеризм. 3. Нейтрон. 5. Шенгил. 6. Клан. 8. Определение. 9. Осциллограф. 12. Сенегал. 14. Скандин. 18. Алько. 17. «Образъ». 20. Вакууми. 22. Мачете. 24. Есенин. 25. Журавль. 26. Венклер.

пешеходы глубин

Раз, два, три—на четвертый выдох». Перевую минуту я усердно отсчитывая время. Помню напутствие инструктора: «Главное, не допускай воздух ниже груди—раздувай, выбросить «глуп»—больше не призываешься не дыши всей двадцативесной тяжестью синевы подвода. Задираю голову: «Небо», конечно, нет. Надо много кашляться, дышать голубином, и в ней, как в блонде—водолазное судно.

Кто из нас не бредил с детства водолазной рукающей, синевозами калошами, шлемом—этим невероятно неуклюжим свирепствием водолаза! Кому из мальчишек не снились романтические подвиги подводных пешеходов, поиски загадочного «Черного принца», подъем кораблей Черноморской эскадры?

Бреду вперед. Там, в туманной плотности воды, вспыхивает и гаснет огонек. На обросших водорослями и колониями плоскобоких мидий свах водолазы в прилипших к телу скрафандрах.

В годы войны отступающие гитлеровцы взорвали большой евпаторийский причал. И теперь под-

водные мастера убирают его остатки. Электрокислородный разрез в руках опытного водолаза—отличный инструмент. По расчищенной скребком поверхности металла тонкой нитью ложится его огненное лезвие. Вот, словно мячик, раздув воздухом скрафандра водолаз всплывает, плавящийся в воде, и снова и снова ставит в движение он своим весом нарастае на стальной столб. Погибнувшись, свая находят, сплавлены в замысловатых кинокадрах, ложится на дно, и там, где она легла, вскипает мутное облако.

Свала эта дыхота по счету. А всего предстоит убрать сотен пятнадцати взрывами тяжелых блоков.

После подъема на поверхность долго синку не склоняешь, смотришь за борт. Там, в густой черноморской воде, бурлят и лопаются сарни пузырьков. Тихо на море, хорошо! И вдруг спешуща мотва—усиленный динамиком далекий голос водолаза. Поех! Видимо, работа ладит.

И. ГРИЧЕР

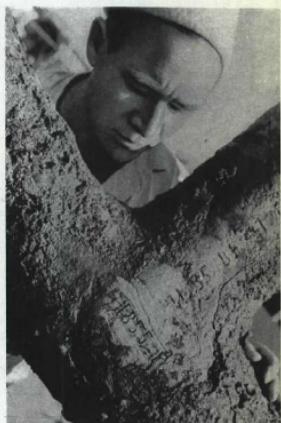
Фото автора

Легкие водолазы готовятся к «туалету» подводной части судна. Этой щеткой они собирают наросты на корпусе после дальнего плавания.

Два экс-двуих войн: азаки мин и моряки с фрегата, затонувшего в 1945 году. Теперь они находятся в редких.

Цена номера
20 коп.

Индекс 70820.